

Мария Фомальгаут
Выключатель тьмы

Мария Фомальгаут

ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ ТЬМЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11285094

ISBN 978-5-4474-1667-6

Аннотация

Эта книга ответит на важные для всех вопросы: например, зачем прилетала бабочка. И как отличить целатавра от человека. И когда будет небо. И кто такой Вороноград. И где искать треугольник, который тебя ждет.

Содержание

Обрывок реальности	5
Холодный очаг	9
Медь	13
Большой разрыв	23
До носферату в один конец	31
Намордники	51
Ценный груз	59
Девичья фамилия принцессы Турандот	67
Будильники	83
Типы характеров	94
Правка романа	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Выключатель тьмы

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2015

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Обрывок реальности

Спрашиваю.

– Сколько нас?

Все кидаются считать, сколько нас. Все сбиваются со счета, тщетно пытаются навести порядок. Вот за что себя терпеть не могу, вот за это. Порядок и я – вещи несовместимые. От слова совсем.

– А ну тихо!

Это я. Нет, не тот я, который я, а тот я, который тоже я, но я из другой реальности. Смотрю на него с благодарностью, чем-то он отличается от нас...

Сели все, – командую я из другой реальности.

– А ты чего раскомандовался-то?

В гневе оглядываюсь, какая сволочь это сказала... да какая-какая, я сам сказал. Забиваюсь в кресло, выставляю вперед ладони, молчу, молчу...

Главный считает. Нас оказывается десять. Вернее, десять с половиной. Потому что одиннадцатый я то ли есть, то ли нет, там одна реальность на две ветвится, в одной меня убили уже, в другой еще живой хожу...

– Ладно. Пусть будет одиннадцать, – киваю я, который главный, – теперь определиться надо, у кого из нас ступень развития самая-самая...

– Кто из какого года, – подсказываю одиннадцатый я, – я

родился в две тысячи сотом.

– Да ты не про год говори, а про уровень развития! Вот у вас на чем ездят?

– Машины на солнечных батареях.

– У вас?

– Вездеходы... ядерное топливо.

– У вас?

Чувствую, что краснею.

Бензин.

– Это что за хрень?

– Нефть.

– О-о, еще не всю из земли высосали...

Кто-то спрашивает, а что такое нефть. Кому-то объясняют, кого-то одергивают, какая разница, мы тут пока рассказывать будем всякое, вообще никогда не кончим.

– А у вас что? – спрашиваю главный я у последнего я.

– На лошадях.

– Хорош придуриваться.

– А чего придуриваться, на лошадях и ездим.

Смотрим на меня, который ездит на лошадях, правда, странный какой-то, себе на уме. Ладно, на лошадях так на лошадях, в конце концов, может, в их реальности нефти нет, железо глубоко-глубоко, чтобы его достать, машины нужны, а чтобы машины сделать, железо нужно... короче, не судите, да не судимы будете.

– Вы? – обращаюсь главный я к еще одному.

– Порталы.

– Уважаю. Еще у кого-нибудь порталы есть?

Молчим. Главный я показывает на меня с порталами.

– Вот ты и будешь за главного.

– А что я-то?

– Ну... ты человек умный, из самой развитой цивилизации, может, предложишь чего... а то делать-то надо что-то, реальности перемешались...

– Перемешались, – повторяет тот, который с порталами, – в точке соприкосновения действительностей. Это как ручейки... текли, текли каждый сам по себе, а потом смешались, и река потекла...

– И как эту реку обратно на ручейки разделить?

– Мм-м-м... точка соприкосновения миров... в районе Гаммы Лебеда.

– Это мы знаем, – нетерпеливо говорит какой-то Я, на какого-то Я шикают.

– Значит... надо отправиться туда. Посмотреть... что там.

– Ишь, умный какой, у тебя что, корабль космический есть?

– Нет, но...

– А нет, ты же через порталы ходишь...

– К сожалению, я могу пройти только через портал, который уже существует... я не могу устанавливать порталы на расстоянии...

– А на лошади же можно, – возражаю еще один я.

– Хорош прикалываться.

– Да я серьезно...

– Еще один я хлопает в ладоши – пространство расступается. Даже не вздрагиваем, уже привыкли к чудесам за последние дни...

– Это... это что?

Оторопело смотрим на что-то сияющее, шарообразное...

– Сферический конь в вакууме, – смеется кто-то.

– Наверде того, – говорит я, который ездит на лошадях, – давайте туда... забирайтесь... поехали.

– А дышать чем будем?

– Там есть чем. Внутри.

Ныряю в сияние, которое называют конем, проваливаюсь в пустоту...

2015 г.

Холодный очаг

– Мама, а где наш папа?

– Нету у нас папы.

– А Леха сказал, так не бывает.

– Не Леха, а Алеша. И вообще меньше слушай, кто там чего сказал...

– А папа где?

– Он не с нами живет.

– А мы к нему поедем?

– Вырастешь, поедем.

– А ты утром сказала, что я вырос уже, что в школу ходить должен.

– Спать уже иди, горюшко ты мое, умничать он мне тут будет!

Вечер.

Откуда-то из степи тянет дымом костров.

Ветер колышет занавеску.

Холодный очаг.

А огонь мать разводить не велит.

Потому что она сказала потому что.

– Хоть бы на детей посмотреть зашел.

– На детей? Ты же говорила, один ребенок вроде.

- Двое. Димка с Витькой. Все в тебя, рыжие.
- Подрастут, себе их заберу.
- И не вздумай даже! Не вздумай!

Холодный очаг.

А огонь мать разводить не велит.

Нет огня в доме.

Древность сохранила для нас предания, как юные девушки отдавались в жены не людям, а божествам или стихиям, рожали от них детей, как от простых смертных...

Вечер.

Откуда-то из степи тянет дымом костров.

Ветер колышет занавеску.

– А то давай в индевцев играть.

– А это че такое?

– А так... Это у нас вигвам будет...

– А не ругайся.

– Чего?

– Не ругайся... мама сказала, фиг вам не говорить.

– Да не фиг вам, а вигвам! А это перья на голове будут...

А давай карандаши неси, это стрелы отравленные будут.

– Вау, кру-уто-о... А костер будет?

– Чего?

– Костер... будет?

– М-м-м-м...

– А дава-а-ай!

– А мама сказала, не разжигать.

– А почему?

– А потому что она сказала потому что.

– Ну, дава-а-ай...

Вечер.

Откуда-то из степи тянет дымом костров.

Цокают каблучки, спешат домой.

Нервная дрожь телефона.

– Ну а ты как жива-здоровая?

– И не звони мне больше.

– И не буду звонить... пойду, к детишкам наведуясь.

– Не смей к ним приходить! Не смей! Слышишь, не смей!

Тянет дымом костров.

Цокают каблучки.

– Нельзя сюда, гражданочка.

– У меня там дети, дети!

– Какие там дети, все уже...

Возгорание на юго-востоке столицы почти полностью

уничтожило жилой дом...

Тянет дымом костров.

– Пап, а я индейцем буду, можно?

– Обязательно можно.

– Па, а мы к маме поедем?

– Не, не поедем.

– Ну па-а-а...

– А мы маму к себе пригласим, да?

– Ага...

– Вот и хорошо, мама к нам придет, а то что такое, мы здесь, она там...

Ветер колышет занавеску.

2015 г.

Медь

Бригадир жжет меня. Дотла.

Сгораю.

Жжет пока еще только взглядом. Чувствую, сейчас схватит поперек тулова, выкинет в печь.

Гори, гори ясно.

– Я... наверное, ослышался?

Еле выжимаю из себя:

– Н-нет...

– Повтори.

Повторяю страшные слова. Кажется, счас цех обрушится от того, что я сказал, да он по любому обрушится, на ладан дышит.

– Витек... ты в курсе вообще, что раньше гонцов с плохими вестями убивали?

– Ну... голову отрубали.

– Точно... а если с хорошими вестями, то прибивали еще одну.

Фыркаю. Бригадир смотрит на меня, как на врага народа.

– Все хаханьки, хаханьки ему... вот цех закроют на хрен, будете знать...

Киваю. Буду знать.

– Так говоришь... когда?

Еле выжимаю из себя страшную новость. В третий раз.

– Че... через неделю.

– Чтобы сегодня же медь была, – кивает бригадир.

– Они сказали...

– А плевать я хотел, что они сказали, у меня производство стоит, – бригадир добавляет пару слов, от которых краснеют стены, – чтоб сегодня же медь была, вон, заказ важнецкий!

И сам понимаю, что заказ важнецкий, и будь мы все прокляты, если заказ этот не сделаем.

– А если это...

– Чего такое?

– А если с других заказиков медь пощипать?

– Ну, пощипай, кто тебе не дает-то, щипун ты наш... Заказчики ждут, чтобы к вечеру сделано было, мне этим людям в глаза стыдно смотреть будет...

Добавляет три слова, от которых станки затыкают уши.

Иду по цехам через грохот станков и жужжание конвейеров, кто-то сбивает меня с ног, швыряет на землю, что за черт, вообще охренели, что ли, над головой проносится балка, влекомая козловым краном, а-а, спасибо, уберегли, сейчас бы мне этой балкой по черепушке...

Медь...

Легко сказать, где достать прикажете, медь на дороге не валяется... то есть, где-то может и валяется, но не в тех количествах, в каких надо...

Вхожу в дальний цех, на душе теплеет, первый раз за день перевожу дух. Медь. Много меди. Вон она, на тележках,

красноватая, бесформенная еще сама не понимающая, кто она и что она, и чем она будет. Но – медь.

Хватаю за рукав тощего работягу, он оторопело смотрит на меня, хлопает глазами, похоже, уже под мухой, кто празднику рад, тот и накануне пьян... Питница, однако, сегодня... тяпница...

– Давай... в восьмой цех пару вагонов отгрузи...

– Чаво?

– В восьмой цех, говорю, пару вагонов!

– Охренел или как?

– Да у нас заказ срочный!

– А мы тут чего, думаешь, воздух пинаем? У нас-то заказ посрочнее будет, попробуй не сделай, вообще бошки поснимают...

– А что у вас тут?

– А то сам е вишь...

Смотрю на конвейер. Вздрагиваю. Понимаю, что черта с два мне тут кто-то даст медь урвать, не бывать тому...

По конвейеру ползут лбы. Большие, тяжелые, медные, девки в дверях перебирают готовые лбы, это хорошие, это в брак, Лю-юська, чего брак в хорошие кладешь, потом пенделей огребешь, мало не покажется...

Лбы. Большие. Медные. Рассовывают по грузовикам, развозят по всему миру, в администрации, в армии, в школы, ну, в школы, это святое, какая школа без медных лбов...

– Ты не обессудь, – тощий работяга тычется мне в плечо, –

вишь, дело-то какое... срочняк...

– Вижу...

Иду дальше, по лифтам, по переходам, по лестницам, будь я проклят, если не найду медь... это эта все, поставщица ока-
янная, на тридцать три раза ей заказ посылал, сегодня зво-
ню, когда медь-то будет, она давай орать, вы нам заявку не
отправляли... полдня с ней лаялся, она потом давай сюсю-
кать, ой, извините, заявочку вашу не заметила, через недель-
ку медь будет...

Через недельку...

Через недельку нам тут бошки поотрывают всем...

Думаю, как бы добраться до менеджерики на поставке, су-
нуть её в расплавленный металл...

Вхожу в семнадцатый цех, ну если здесь меди не будет,
уже и не знаю, что думать. А что думать, вот она, медь, от-
ливают из неё что-то в огромных формах, нестерпимый жар
рвет легкие...

– Чего пришел? – раскрасневшийся старик косится на ме-
ня.

– Да мне... меди бы.

– А-а, это можно... Этого добра у нас вон... сколько тебе?

Называю.

Старик разводит руками.

– Ишь чего, где ж я тебе дам столько-то... я думал, анализ
какой или еще чего... а тут нате вам... самим надо....

– Да ладно, не обеднеете!

– Ка-акое не обеднеете, а всадников из чего делать прикажешь?

Давлюсь языком.

– К-каких всадников?

– Медных, каких...

С ума я сошел, что ли... чую, не туда забрел, еще на секретном производстве меня не было... потихоньку пробираюсь к двери, у самой двери оживает шальная мыслишка, потихоньку укатить вагонетку, типа, я тут не при чем, потом как-нибудь объяснюсь с ними...

Подбираюсь к вагонеткам, не сразу слышу цокот копыт за спиной. Еще оборачиваюсь, на кой черт оборачиваюсь, смотрю на медную громадину, которая несется на меня.

Бегу.

Спотыкаюсь, падаю, снова бегу, снова спотыкаюсь сам о себя, снова бегу...

Всадник настигает, у самой двери копыто впечатывается пониже спины, лечу в коридор, ёп-перный театр... Нда-а, здесь ни хрена не отломиться, можно и не ждать...

Иду к бригадиру. Вот это сейчас меньше всего хочется идти к бригадиру, сказано, достань медь, значит, достань. Задним числом припоминаю, на сколько процентов гомо сапиенс состоит из меди, себя, что ли, переплавить...

Бригадир говорит с кем-то, телефон у уха, рот до ушей, хоть завязочки пришей...

– Да... да... сию минуту. Да без проблем. Сделаем. Мате-

риальчик ваш, говорите? Ой, да как хорошо, спасительница вы наша, смастрячим все по высшему разряду...

Только что хвостом не виляет, вот за что бригадира нашего терпеть ненавижу, клиентам только что ботинки не лижет, а на нашего брата и сорваться можно...

– Скажи там охламонам этим... счас медь привезут, гору из неё сделать надо... хозяйка материальчик доставит...

Это он уже мне. Тут же спохватывается:

– Принес?

Земля уходит из-под ног, чего я его так боюсь, бли-ин, вбили с детства в голову перед большими людьми навытяжку стоять, дрожмя дрожать... послать бы его к черту в задницу...

Смотрю, как из ворот выезжает грузовик, груженный медными грошами, за ним выезжает крытый фургон, по знакам на брезенте догадываюсь, везут оружие, куда-то на полигон...

– А это что у нас... оружие делают?

– А ты как думал.

– А... что конкретно?

– Эх ты-ы, салага... – бригадир хлопает меня по спине, – медный таз, а ты чего думал?

Киваю. Точно. Медный таз.

Озарение. Внезапно.

– Принесу.

Хватаю со стола бригадиров блокнот, выхожу из двери.

Ага, опешил, бригадирушка, остолбенел, хоть бы ты в соляной столп превратился, я бы тебя в десятый цех сдал на переработку...

Выискиваю адрес, телефон, прыгаю в газельку, надеюсь непонятно на что...

– Здесь остановите.

Водила смотрит на меня, как на психа, где это видано, чтобы добрые люди посреди леса останавливались...

– Подождать вас?

– А-а... да нет.

Выхожу. Водила смотрит мне вслед, похоже, думает, как бы я руки на себя не поднял...

Понять бы еще, что я вообще здесь ищу. Зеленая ящерка смотрит на меня, насмешливо, пристально, кажется, хихикает...

Нет... уже не ящерка...

Сама...

– Здравствуй. С чем пожаловал?

– Я это... по поводу горы...

– Сделали? Ой, молодцы какие...

– Да нет... нам бы... еще меди...

– Еще-то вам зачем, хватит поди...

– Хватит-то хватит, да вот заказ у нас срочный...

– Мне-то что до заказов ваших?

Говорю, что за заказ. Хозяйка хмурится. Ну пожа-а-алуй-ста, ну скажи да, да, да...

– Так бы и сказал... чего темнишь-то... дело-то святое...
Гора падает с плеч. Не медная, но все-таки...

– Принес?

Бригадир жжет меня взглядом.

– Принес... вон...

Киваю в сторону печей, где уже отливают в формах заказ, ну только бы успели, только бы остыло все...

– Не успеем, – бригадир качает головой, показывает на шоссе перед фабрикой... что он там углядел... а-а, едут...

– Люди вроде ничего, понимающие... интеллигентные, скандал не закатят... – вспоминаю.

– Да не то... в глаза стыдно смотреть... люди-то хорошие, у них радость, а тут такое...

Ничего, успеем... поднажмем сейчас, и...

– Авра-а-ал!

Обреченно вздыхаю, вот оно, началось... в деревне утро. Закричали, блин, петухи...

– Авра-а-ал!

Ну что еще...

Переглядываюсь с бригадиром, бежим туда, где кричат, только этого не хватало, что у них там случилось, тока нет, или воды нет, или еще чего нет, и горит где чего, или...

Выбегаем на улицу.

Холодеет спина...

– А ты как думал.

– А... что конкретно?

– Эх ты-ы, салага... – бригадир хлопает меня по спине, – медный таз, а ты чего думал?

Так и есть, медный таз, огромный, страшный, нависает над комбинатом, вот-вот накроет...

– Шесты! Шесты-ы-ы!

Ищем шесты, где ни могут быть, эти проклятые шесты, а вон, стоят у стены, хватаем шесты, отталкиваем таз, тяжелый, с-сука, не поддается... ну давай же... еще не хватало, сейчас комбинат накроется... чувствую себя супергеро-ем, который сражается с каким-нибудь Годзиллой...

– Не бойсь, дело привычное... – шепчет бригадир, – бы-вает...

– И часто?

– Ну... не часто, но бывает... ты чего думал... медный таз, брат, дело такое...

Толкаю таз что есть силы, в глазах темнеет, наконец, таз со звоном и грохотом падает на шоссе.

– Ур-р-а-а-а!

Не подхватываю общий крик. Обреченно переглядываем-ся с бригадиром, теперь точно ни хрена не успеем...

Смотрю, как подъезжает лимузин, нда-а, хорошо люди подготовились, вдвойне стыдно будет, если не успеем. Выхо-дят, он во фраке с бабочкой, она в белом платье, девчушка выбегает, дочка ихняя, похоже... Оглядываются, идут к нам, бли-ин, как неловко...

– День добрый... не подскажите, медеплавильный комбинат здесь находится?

Еле выжимаю из себя:

– Так точно.

– Мы у вас... заказывали...

Что-то грохочет сзади, работяги везут на тележке, неужели готово...

– Все, все, принимайте работу! – лысоватый мужичок стряхивает с изделия невидимую пыль. Невольно люблюсь, вот красоту отгрохали...

– Ой, здорово как получилось!

– Да вы прям волшебники!

– Рады стараться....

Смотрим на медную свадьбу, и правда, здорово получилось, заслужили люди, семь лет вместе... разливаем шампанское, горько, и все такое...

– А ты... м-молдодчина... – бригадир сжимает мое плечо. – уважаю... я ж так... в сердцах сказал... достань где хошь... знал же... негде достать... а ты... ишь какой... м-молдодчина... д-далеко пойдешь...

Вымученно киваю. Нет, ничего, работать можно... уж ради медной свадьбы можно и остаться, почаще бы вот так... свадьбы эти... а то сейчас как женятся, так и разбегаются... а эти ничего... может, придет время, и бриллианты заказывать будут... правда, уже не у нас...

Большой разрыв

Захожу в подъезд.

Перевожу дух перед боем.

Счас начнется.

А что начнется, я уже даже не сомневаюсь. Полетят клочки по закоулочкам, мало не покажется...

Поднимаюсь на этаж, снова перевожу дух. Хочется уйти отсюда, не приходить. Никогда. Вообще. Знать бы еще, куда уйти, идти-то особенно некуда, вон, мужики, вместе бухать – пожалуйста, а как перекантоваться у кого недели две, это фиг вам, а-а-а, у меня жена, а-а-а, у меня теща...

Понимаю...

Поворачиваю ключ, ключ прыгает из рук, тпру, стоять, падла, ком-му сказал...

Счас начнется.

Нинка уже за дверью, уже готовится, раззявила свою глотку, аа-а-а, алкаш чертов, а-а-а-а, да на хрена замуж выходила, а-а-аа... Не, у Семеныча вон как-то с Любкой получается, гаркнет на неё, да и все, а я гаркать не выучен, в детстве, бывало, заорешь на кого, мамка взовьется, это что за тон такой, это что за тон, ты как себя ведешь...

Эх, мамка, чему учила... Можно подумать, готовила к миру какому-то, где все на цыпочках ходят и сюсюкают...

Щелкает замок, выходит Нинка, в платье, духами пропах-

шая, что за черт, любовничка, что ли, притаранила...

– Ну, приветик...

Обнимает меня, целует, эт-то что... ну точно, приволокла кого... найду, убью, вот как Семеныч у своей хахаля выискал, так потом пух и перья летели...

Бегу в спальню, нет никого, да можно уже и не смотреть по шкафам, по комнатам, нет, не пахнет мужицким духом, у мен на это дело чуйка верная...

Никого...

– Ну чего ты... устал?

Смотрю на Нинку, издевается, что ли...

– С чего уставать, три месяца не работаю, как сократили...

Нинка снова обнимает, целует, вот черт...

– Ничего... найдешь... обязательно. Такого мужика, блин, директор не заценил... Ты у меня без дела не останешься... ну айда ужинать, я курчонка сварила...

– Да я...

– Да ты поешь, выпил же, закусить надо...

Рехнулась она, что ли... Иду за Нинкой, пол качается под ногами, тпру, стоять, ком-му сказал... не, Нинка у меня вообще золотая баба, зо-ло-та-я... для такой не то что на фабрике гробиться, для такой хоть с моста прыгнуть, хоть поперек целой армии пойти не страшно...

Пол выскакивает из-под ног, Нинка меня хватает, держись, держись...

Ах ты ж долбаный на хрен...

– Ой, Люсь, да чего ссоришься с ним, так и всю жизнь можно проссориться... Да всю жизнь, говорю, проссориться можно, делать, что ли, больше нечего? Да ну ты, Люсь... да мы со своим давно уже не цапаемся... Да нет, не пьет... Ой, Люсь, ну какие там кодирования, ну кто там в это верит вообще? Сам бросил, он у меня мужик что надо... Да помирились... да само все как-то... видишь... приснилось мне тут... ну да, бывает, муть всякая ночью в голову лезет... вот привиделось... что я одна. Ну вообще одна-одинешенька... в пустоте... вот так вот... да говорю тебе, вообще вокруг ничего нет, вообще! Вот так вот, ну то есть все где-то есть, ну далеко-далеко, вообще не найти, до них хоть миллион лет иди, не дойдешь... и мой где-то там... тоже далеко-далеко... слушай, так страшно вообще стало... просыпаюсь, реву... Тут мой возвращается, на бровях, под мухой... Ты прикинь, я ему на шею прямо кинулась, миленький, вернулся... Ну... да завязал он, говорю тебе... после такого... да нормально все у нас... говорю тебе, сон... жуть такая... вообще...

Ополаскиваю лицо.

Еще.

Еще.

Нужно идти. Нужно как-то пересилить себя, идти туда, в большой зал, на бой.

А что будет бой, я уже не сомневаюсь.

– Вам плохо?

– А?

Охранник у входа сочувственно смотрит на меня.

– А... нет... хорошо все... хорошо...

Выхожу в коридор. Чувствую, что сегодня не смогу держать оборону, не смогу договориться, он там, по ту сторону баррикады не поймет, не захочет понять, будет орать про санкции, про права, про несуществующие договоры какой-то вековой давности...

Нет, я его понимаю.

Его тоже можно понять... у него такая же Конфедерация, у него три галактики, у него люди, которых нужно чем-то согреть, у него... Так что вцепится он в это облако как клещ, чёрта с два отпустит. И здесь тоже его понять можно, облако – это не только сегодня топливо, это завтра топливо, через год, через век, через тысячу лет, когда погаснут звезды, и нужно будет чем-то согреть миллионы и миллиарды людей...

Вхожу в зал.

Протягиваю руку, как будто ничего не случилось, он делает то же самое, касаемся друг друга кончиками пальцев.

Садимся. Как борцы перед битвой. Сейчас кинется он на меня, задушит...

– Я... что подумал...

Почему я вздрагиваю от его голоса...

– Я что подумал... можно же облако... разделить...

– Простите?

– Разделить... облако. Вам половина, нам половина. Разграничители какие поставим... на наш век хватит...

Еле удерживаюсь, чтобы не спросить, а потом.

– А кто его знает, что оно там потом... может, и нас не будет потом...

Не верю. Не понимаю. Слишком просто, слишком внезапно, какая-то ловушка, подстава, за которую будем расплачиваться не только мы, но и наши потомки, из поколения в поколение...

– Да не думайте вы про нас так. Все-таки... ненадолго мы все... вместе.

– Это еще что, насчет войны, что ли, намекает... очень похоже.

– Да что вы, какая война... просто... кто знает, сколько все это продлится...

Снова касается моих пальцев своими, будто боится меня потерять, да что с ним...

– Да, господин министр... нет, господин министр... понимаете, я получил предупреждение. Да. Предупреждение. Нет, не от восточной Конфедерации. Тут другое... вы верите в вещие сны? Я тоже нет. да... приснилось что-то прошлой ночью... ну как вам сказать... как будто я остался один... ну вообще один... в целом мире... то есть, все остальные где-то

есть, но где-то бесконечно далеко, так, что я до них не дойду никогда... вообще, никогда... Это было страшно. Да, господин министр, это было страшно. Когда я наутро увидел наших противников, я готов был их расцеловать. Да, господин министр, расцеловать, ни больше, ни меньше. У меня было такое чувство, что когда-нибудь мы с ними расстанемся навсегда, и я никогда их больше не увижу. Совсем. Да, господин министр... нет, господин министр... я знал, что вы меня не поймете...

Затишье перед бурей.

Затишье перед боем.

Я уже знаю, что будет бой. Еще не вижу рысжих шапок там, на горизонте, уже знаю – будут здесь окаянные нехристи, заполонят землю русскую. Не пройдет враг, не пустим окаянного, встретим сплоченными рядами...

Поднимается красное солнце, предвестник битвы. И за солнцем на горизонте поднимается темная рать, насколько хватает глаз, идут проклятые враги. Отделяется от несметного полчища всадник, скачет нам навстречу, киваю, знаю древний обычай, два всадника сражаются перед боем, кто победит, того войско и выиграет битву...

Но что это?

Смотрю, не вижу в его руках ни копья, ни меча, скачет навстречу, безоружный, что он несет...

Спешивается.

Кланяется до земли, протягивает мне охапку шкур, знатные шапки из них будут...

– Прими, великий князь, подарок от народа нашего...

Беру шкурки, как бы не отравленные оказались.

– Благодарствую.

– Мир тебе, великий князь, и народу твоему.

Ушам не верю, эти ли нелюди города жгли, бесчестили наших женщин...

– Позволь нам, великий князь, разбить стоянку на землях твоих, погостим, покормим коней, дальше пойдем в путь-дорогу...

Не верю своим ушам. Где здесь подвох, что он задумал, окаянный...

– А был мне сон вещей... врешь, собака, бывают вещие сны, еще как бывают. Вот и был мне сон, что остался я один, в целом свете – один-одинешенек, и нет никого вокруг меня, и крикну – и не слышит меня никто. и все другие вроде бы и есть они, а далеко-далеко-далеко, так далеко, что хоть всю жизнь скачи – не доскачешь... Понял я, что неспроста сон увидел... И когда на рассвете вражьих воинов увидал, только что целовать их не кинулся...

Расстояние до горизонта событий во вселенной уменьшается. Большой Разрыв произойдет через 22 млрд. лет, после чего Вселенная распадется на элементарные частицы,

которые будут удаляться друг от друга со скоростью света. Известные законы физики перестанут действовать, дальнейшую судьбу мира предсказать невозможно. Каждая элементарная частица останется в одиночестве, бесконечно отдаленная от других частиц. Предположительно данное событие произойдет с вероятностью...

2014 г.

До носферату в один конец

– Сеньорита... вас проводить?

Роберто подкрадывается к девушке, тут, главное, не спугнуть. Тут, главное, быть галантным и вежливым, а уж это-то Роберто умеет, можете не сомневаться, пташечка от его слов растает, а уж растаявшую её можно голыми руками взять...

Сеньорита оборачивается. Маленькая, хрупенькая, глаза в пол-лица, за такие глаза умереть не страшно...

– Разрешите...

– Ага... спасибо...

Голосочек нежный, всю душу переворачивает, южная ночь жаркой кровью ударяет в голову...

– Далеко живете, сеньорита?

– Да нет... там... в доме... на холме...

Стесняется. Роберто любит, когда девушки стесняются, может, еще чистая, непорочная, это тебе не Хуансита из «Кукараччи», ржет, как лошадь, дымит, что твой дракон, ей что скажешь, она – гы-ы-гы-гы!

– Значит... недавно к нам приехали?

– Из Глазго.

Роберто не знает, что такое этот Глазго. Неважно, из Глазго так из Глазго, хотя тут можно что-нибудь красивое ввернуть...

– А я думал, такая красotka спустилась с луны...

Сеньорита меняется в лице.

– Что? А вы... откуда... знаете?

Шутит. Заигрывает...

– О-о, у меня на это дело глаз верный...

Роберто наклоняется, здесь надо поцеловать сеньориту, резко, сильно, девушки любят властных.

Наклоняется...

Наклоня...

Накло...

Видит крохотные острые клычки за девичьими губками, еще пытается отпрянуть...

В зал вваливаются два подвыпиваших пацана, думаю про себя, им хоть восемнадцать-то есть... Ван-Ванна настораживается, как хищник перед прыжком. Чувствую, пахнет пороховом.

– Мы... это... самое...

Ван-Ванна морщится, как перед расстрелом.

– Мы это... Гоголя... потеряли.

Гром среди ясного неба.

По-те-ря-ли.

Страшное слово.

Кажется, даже часы перестают бить.

– Штраф! – взрывается Ван-Ванна, – и книги взамен принесете, что есть!

Пацаны переглядываются, можно подумать, у них есть

книги. Они их в руках не держали никогда, пока в школе не заставили...

– Кирь, у меня дома фигня какая-то лежит...

– Нам фигню не надо, нам нормальные книги нужны! – Ван-Ванна рвет и мечет, – штраф платите!

Смотрю, как Ван-Ванна выпотрашивает учеников. Круто у неё получается, я так не умею. Парни поваливают, поджав хвосты, Ван-Ванна еще долго рвет и мечет: не-ет, у меня в голове не укладывается, как можно воровать книги...

Обыкновенно, как...

Потихоньку зарываюсь в книгу. Пока директрисы нет, можно и почитать, пока не ка-ак выскочила, ка-ак выпрыгнула из кабинета, эт-то что т-такое?

Читаю...

Историки не знают, куда поехал Дракула после того, как покинул Тырговиште. В конце концов он оказался в Молдавии, но оставаться там ему было небезопасно, потому что...

С фотографии... тьфу, с портрета смотрит на меня Дракула, носатый, бровастый, глазастый, облизывает спрятанные клыки, смотрит на жертву, э-эх, все худосочные попадают-ся...

Доподлинно неизвестно, как умер князь, и что случилось с его телом. По одной версии Дракула похоронен в монастыре Снагов к северу от Бухареста, по другой – в монастыре Комана к югу от Бухареста. Загадочное исчезновение археологов, пытавшихся...

Потихоньку набираю в поисковике билеты в Румынию, Яндекс ищет что-то, Иркутск-Бухарест, от двадцати двух тыщ, очень приятно. С пересадкой в Москве...

Считаю. Зарплата десять штук, за комнату пятишник, за жарчку еще пятишник, откладывать на поездку получается... ничего.

Воровато оглядываюсь, набираю в поисковике – совмещение...

– Ну что... я вас хочу несказанно обрадовать... – Ван-Ванна вваливается в зал, тащит коробищу с карточками, – сказали, каталог делать... в электронном виде.

Киваю. В электронном, так в электронном. Хоть в квантовом. В каком прикажете.

– И еще газетки подошьешь, Тим?

– Подошью...

Ноздрапыренко Н. В. Прямая корреляционная зависимость скорости роста *Arabidopsis vulgaris* от температуры окружающей среды... Москва, «Наука» 1975...

И так далее по тексту. У-дэ-ка, бэ-бэ-ка, и-эс-би-эн, кто это все выдумал...

Не так я себе это представлял.

Не так.

Когда приходил сюда, еще в детстве, когда меня встречали цари Салтаны и князья Гвидоны, коты учёные и быки печё-

ные, которые на море-окияне, на острове Буяне. Думал, будет какое-то сказочное царство красоты, двери в иные миры, никак не представлял себе и-эс-би-эн...

Тайком-тайком приоткрываю книгу про Влада Цепеша, блин, не успел дочитать, домой придется тащить...

...четверо археологов были найдены мертвыми с перерезанными глотками...

Дракула смотрит на меня с фото... тьфу, с портрета, на фотографиях он не отображался. Тьфу, что я говорю, в те времена и фотографии-то не было... Цепеш, носатый, бровастый, глазастый, смотрит на меня, э-эх, худосочные, гнилое племя...

Слышу каблучки в коридоре, возвращаюсь к газетам, это у нас что за газетка, а-а, умри, тоска, читай Эм-Ка... А «Вокруг света» здесь чего делает? Хочу отнести на полку, смотрю на обложку, Бразилия, увижу ли Бразилию до старости моей...

Увижу ли...

Увижу...

Уви...

Смотрю на фото, на праздничную толпу на каком-то карнавале, на девушку у стены, почему она не веселится вместе со всеми, прикрывает голову платком, где-то я уже видел это лицо, носатое, глазастое, бровастое, где...

Где...

Открываю книгу про Цепеша, вот черт...

– Книжечки почитываем? – взрывается директриса, – кто книжечки почитывает, тот долго у нас не задерживается!

Занавес.

– Парни, а Роберто не видели?

– А Роберто вчера не вернулся...

– Алкаш проклятый, весь в отца, о-ох, спаси его, Санта Мария... – старушка мать боязливо крестится, перебирает четки, парни затягиваются чем-то едким, дымным, где они опять эту дурь взяли, полиции на них нет...

Городок погружается в сон, в доме на холме загорается огонек.

– Ох, Санта Мария... – старушка снова тербит четки, – духи... духи...

– Что ты, Панчита, что ты, старая, какие духи...

– Да там, в доме уже сто лет как никто не живет!

– Как не живет, девушка какая-то въехала, – вспоминает Эрнесто.

– Красивая?

– Ну... глазища во...

Разгорается в окне недобрый огонек...

Я те-бя люб-лю,

Я те-бя и-щу...

Зажимаю уши, черта с два тут зажмешь уши, звук проходит как будто через черепную коробку. Выйти да гаркнуть

бы на Ритку эту, устроила, блин, день рождения у неё... да Ритка сама на кого хочешь гаркнет... Вспоминаю Жванецкого, когда она поёт, хочется сесть ей на лицо...

Открываю ноутбук, один хрен спать не дали... перебираю бразильские сайты, в жизни бы не думал, что туда полезу, а вот пришлось, приперло, ни слова не понимаю, слова все такие, что хочется сказать – хорош уже при людях матюкаться...

Листаю...

Черт...

Листаю назад, назад, ну только попробуй не найдись, ну только посмей....

Нет.

Нашлась.

Вот она, смотрит на меня с фотки, глазастая, бровастая, носастая, волосы темные зачесаны назад, скромно стоит среди смеющихся девчонок на какой-то там выставке картин церковно-приходской школы...

Перебираю имена под фото, Алессандра, Виржиния, Джованна, Жулия, Рафаэлла, Ясмин...

Ясмин...

Ищу в интернете сам не знаю, что... Ясмин, Ясмин, Ясмينا, значение имени, не то...

Я те-бя люб-лю

Я те-бя и-щу...

Кто-то уже колотит в стены, да задолбали, щ-щас мили-

цию вызову... сделайте одолжение, вызовите, хоть тут не то, что милиция, ОМОН не спасет...

В свете ноутбука раскрываю книгу, перечитываю.

Потомки Дракулы продолжают жить на Земле, возможно, мы еще услышим о загадочных местечках, в которых пропадают люди, а через пару дней находят их тела с выпитой кровью...

Я те-бя люб-лю

Я те-бя и-щу...

Отчаянно звонят в дверь озверевшие соседи, сжимаю голову, бесполезно, в черепную коробку бьется и бьется трель звонка...

– С нынешнего года правительство решило реформировать библиотеки...

– Давно пора, – фыркает Ван-Ванна.

Директриса пожимает плечами. Продолжает читать.

– Планируется сокращение библиотек по России с последующим объединением...

– Во, блин...

Такой блин, блиннее некуда...

– Ободраться и не встать...

– Полегче, полегче в библиотеке-то!

– Нету уже никакой библиотеки...

– Парни, а вы Панчитту мою не видали?

– Да она вроде Роберто искать пошла... Вчера не вернулась...

– У-у, алкаш проклятуший, ну дай до него только добратся...

– Сам-то на себя посмотри, Хуано, нос красный!

– Да ну вас к чёрту, то я, то сын мой Роберто! Думал, хоть из парня толк выйдет...

– Толк вышел, бестолочь осталась.

Мерцает огонек в доме на холме. Идет старый Хуано по дорожке, опирается на палку, спотыкается обо что-то в кустах...

– Э-э... никак Роберто... а-а-ах, чертов пьяница, да будь проклят тот день, когда Панчитта родила тебя на свет! Да сколько будешь позорить... эй, ты чего?

– Ме... мертвый... – шепчут парни, в ужасе смотрят на залитое кровью лицо, остекленевшие блестящие глаза...

– Да никак и Панчитта тут...

Хватается за голову старый Хуано, зовет Панчитту, которая его уже не слышит.

Горит огонек в доме на холме.

– ...исчезновение людей в Санту-Антониу-да-Платина приобретает массовый характер. Местные жители уже сообщили о десятерых пропавших, из них найдено семеро, все они были зверски убиты. Неизвестный маньяк терроризирует городок...

Закрываю новости, продолжаю забивать у-дэ-ка и бэ-бэ-ка, а то директриса увидит, вообще кислород перекроет, то бишь, интернет вырубит...

– Один билет до Бразилии...

Нет, не так.

– Один билет до Рио-Де-Жанейро.

– С пересадками в Москве, – кивает кассирша.

Развожу руками, да бога ради, мы не гордые.

– Обратный брать будете?

– М-м-м... пока нет.

Иду к самолету, поднимаюсь по трапу, люди косо на меня посматривают, почему без багажа. По кочану. Да по капусте. Из багажа один ноутбук, с ним-то я не расстанусь...

Ищу местоположение этой самой Ясины. Ищу по каким-нибудь суперсовременным спутниковым технологиям, вот она, Ясина, в маленьком городе, не городе – городке, не в городке, в городишечке, приехала туда недавно, это я знаю.

– Уважаемые пассажиры, просьба пристегнуть ремни...

Самолёт резко дергается, взмывает в небо, набирает высоту...

– ...ты чего, заснул?

Спохватываюсь. Точно, замечтался, закимарил, мысленно был уже там, в самолете, летящем в Бразилию, в Бразилию, увижу ли Бразилию до старости моей...

Иду в зал, две тетki мнутcя у cтoйки, ой, мoлoдoй чeлoвeк, a библioтeкaря нe видeли? А-aa, вы библioтeкaрь? А вы нaм пoсoвeтуйтe, пoжaлуйcтa, чтo-нибудь... пpo лoбoвь... ну, тaкoe, знaeтe ли...

Знaю. Нe пeрвoй дeнь. Иду к cтeллaжy c лoбoвнoмy рoмaнaми, вoзлe этoгo cтeллaжa вceгдa хoчeтcя зaжaть нoc.

ЯНДЕКС
НАЙДЕТСЯ ВСЕ
БИЛЕТ ДО БРАЗИЛИИ

А, извинитe... дo Риo... или дo чeгo тaм.

Иркутcк-Бразилиa... Этo кaк этo тaк Бразилию нaпиcaли... А-а, этo жe cтoлицa Бразилии, туплю, туплю...

Пeрecaдки – Лисcaбoн, Мюнхeн, Мoсквa...

Дeв'яноcтo п'ять т'ящ.

Очeнь пpиятнo.

Нaчинaю cчитaть. Зaрплaтa дecaть, зa пoдpaбoтки т'ящи тpи вoхoдит, шecть зa кoмнaтy, шecть зa eдy c интepнeтoм, т'ящoнкy oтлoжить мoжнo, тo eсть, чeрeз дeв'яноcтo п'ять мecaцeв бyдeт y мeня билeт в Бразилию, yвижy ли Бразилию дo cтaрocти мoeй. Дeв'яноcтo п'ять рaздeлить нa двeнaдцaть, этo бyдeт c нaтяжкoй вoceмь... чeрeз вoceмь лeт пoлeчy в Бразилию, вceгo-ничeгo ждaть oстaлocь...

Хa-хa.

Ввaливaeтcя дирeктopшa, cрoчнo пepеклoчaюcь нa бэ-бэ-кa и y-дэ-кa, cчac oп'ять opaть нaчнeт, вы кaк цифpы ввoди-

те, вы о чем вы думаете, о чем вы думаете... подумаешь, циферку не ту поставил, орать-то зачем, можно подумать, на ядерном пульте не ту кнопку нажал...

– Дети, домой, домой!

Смотрю, как донна Роза собирает ребятишек, пугливо косится на заходящее солнце, перебирает четки, ох, Санта Мария, убереги... Статуя девы Марии простирала руки над городом... а-а, нет, вру, это в Рио, или в столице, не помню уже, где, а в маленьком городке статую не видеть.

Недобрый ветер теребит разлапистые пальмы...

– Дети! Носферату! Носферату!

Детишки прячутся по домам, под крыло матерей, взрослые торопятся домой, к светлым лампам, к теплему ужину. Наступает ночь, недоброе время, время носферату...

– Ту долларс, – кивает Эрнесто.

Что-то не нравится мне этот Эрнесто, заведет меня, куда Макар телят не гонял, прирежет, оберет... а что у меня обирать, ничего не осталось, надо бы намекнуть ему, что меня разве что прирезать, на органы продать. Да и то моими органами только травиться, правильно Дракула с портрета смотрел, э-эх, худосочное племя...

Эрнесто на ломаном английском повторяет, что доведет только до Киева, тьфу, только до дома на холме, а дальше сам иди как хочешь, Эрнесто еще жить хочет, у Эрнесто жена и дочка маленькая...

Идем к дому на холме, какого черта я в это дело ввязался, что я вообще собираюсь... припоминаю книжонки про кресты, чеснок и святую воду, почему-то не верится, что поможет...

– Порфавор, синьор, – Эрнесто доходит до калитки дома, протягивает руку. Что такое... а... да, да, ту долларс. Эрнесто исчезает в сумерках, иду к дому, что я ей скажу, ничего я ей не скажу, сразу – серебряную пулю в сердце...

Стучу в дверь.

Ничего не происходит.

Снова стучу, уже не надеюсь ни на что, неожиданно сам для себя нащупываю кнопку звонка.

Жму.

Звонок не откликается.

Сдавленный крик там, в темноте ночи, на склоне холма. Протяжно откликается какая-то птаха...

Бегу по склону холма, хочу позвать Эрнесто, тут же чувствую, что если крикну, это, забравшее Эрнесто, услышит меня...

Спотыкаюсь обо что-то в темноте, падаю...

Ощупываю то, за что запнулся, вот черт...

Эрнесто...

Подсвечиваю телефоном, и не хочется смотреть в залитое кровью лицо, а надо...

...просыпаюсь.

– А в кредит у вас можно?

– Да, конечно, можете оформить путевку в кредит, – оживляется девушка за столом. Хочу её спросить, ты сама хоть где-нибудь бывала или нет. Не спрашиваю.

– Так... путевочка девяносто тысяч... справку о доходах...

– Ч-чего?

– Ну, сколько в месяц получаете?

Еле выжимаю из себя.

– Д-десять.

– М-м-м... тогда вам выписку еще надо со счета в банке... что у вас там не меньше ста тысяч...

Кусаю губы. Нехило. То есть, это мне не через восемь лет ехать, а через шестнадцать...

Граф Дракула смотрит на меня с портрета, посмеивается

– Эх, ты...

– Санту-Антониу-да-Платина охвачен паникой, люди стремятся покинуть городок. Напомним, с сентября в городке уже пропали без вести тридцать человек, двадцать пять из них найдены зверски убитыми. Полиция заявляет, что делает все возможное для поимки маньяка...

Фыркаю, как бы не так... Всё она делает...

Закрываю ноутбук.

Смотрю на фото Ясмینی, скачал откуда-то из ниоткуда.

Спать... Ритка со своей сворой свалила куда-то в никуда, можно выспаться, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, а то сейчас ввалится Ритка энд компани...

Падаю на кровать, занавеска-то почему открыта, закрывал вроде...

– Привет.

Ясмину смотрит на меня из темноты ночи.

– Ну, привет.

Ясмину... как раз такая, как на фото, узнаю черты её предка, но какие-то размытые, расплывчатые, смягченные, что придает ей особый шарм.

– А я к тебе.

– Ага... я понял...

Голос... голос, от которого вдребезги разбиваются мужские сердца.

– Ты про меня всё смотрел.

– Ага... смотрел...

Стучится в окно.

– Пустишь?

Иду к окну, дергаю ручку, черт, что я делаю...

Только сейчас спохватываюсь, м-мать моя женщина, что делаю, ёп-перный театр...

Задергиваю занавеску, не смотри, не смотри, не смотри, только бы отвернуться от этого взгляда...

...просыпаюсь.

Растираю виски, было это или нет, ёп-перный театр, было

или нет...

Похоже, медлить уже нельзя... В Бразилию... Бразилию, Бразилию до старости моей... кредит... или что там ещё... Кредит оформить... ехать...

К сожалению, в настоящее время библиотечное дело всё больше уходит в прошлое. На-днях власти сообщили о необходимости объединения городских библиотек, что вызвало массовое сокращение штатов, а некоторые библиотеки (например, городская № 5) ликвидированы полностью, книги переданы в хранилища первой городской библио...

– ...Да я чуть не гёпнулась, когда услышала, – Ван-Ванна наливает себе третью чашку чаю, – думала, хоть до пенсии доработать... ты-то молодой еще, устроишься куда-нибудь, чего ты вообще в этой библиотеке забыл...

Кусаю кулаки. Забыл, то и забыл, носферату, граф Дракула, могила в монастыре Комана, потомки по всему миру...

– Гильерме! Гильерме!

Женщина в платке зовет своего парнишку, не дозвется, заигрался, затерялся Гильерме, у-ух, мамка ему вломит, когда домой вернется...

– Гильерме!

– Ма-а-а-а!

Крик. Оттуда. С холма.

– Гильерме! Ох, Санта Мария...

Бегу в сторону холма, сжимаю кольт с серебряными пулями, где я взял кольт, неважно, как я в Бразилии очутился, тоже неважно, кто хочет, тот может. Двое или трое парней бросаются за мной, молодцы, ребята, тут же за ними тетки, бабки, дядьки, Хуано и тот за нами захромал, гремит крик над улицами – Носферату! Носферату!

Вижу её. Вот она, на склоне холма, склонилась над неподвижным тельцем.

Целюсь.

Стреляю.

Откуда научился стрелять, тоже не спрашивайте, кто хочет, тот может...

Раненая, она еще пытается броситься на меня, из сумерек вываливаются Педро, Гонсалесы, Гильерме, Эрнесты, Розы, Хуанситы, обрушиваются на родственницу Дракулы с топорами и вилами...

...просыпаюсь.

– ...вопиющий случай в Санту-Антониу-да-Платина, местные жители, всерьез уверовав в то, что в городке якобы поселился носферату, растерзали двадцатитрехлетнюю Ясмин Арабеску, приняв её за носферату, убивающего людей. В настоящее время проводится следствие...

Читаю новости.

Перевожу дух.

Обошлось. Как-то справились там без меня, даже странно...но...

Ритка качается на стуле, смолит сигарету, что она туда добавляет, не иначе, как бензин, воняет так же...

– А ты это... в Мак иди...

– Чего?

– Ну, в Макдональдс... там все-ех берут... у меня вон брательник...

Смотрю в темноту за окном, жду чего-то...

– Ты ч-чего увидел?

– Да... ничего.

Ничего нет.

– Вы Рафаэлла не видели?

– Она разве со всеми не вернулась?

– Да неужто по рукам пошла... о-ох, Санта Лючия, не убе-регли...

– Донья Мелисса, а Рафаэлла ваша там, в кустах валяется...

– Да что ты говоришь такое, Гонсало, негодник, побойся Святую Деву!

– Да пр-а-авда...

– Да что такое? Где лежит? – донья Мелисса, большая, необъятная, ковыляет по улочке, подобрал юбки, – о-ох, Санта Мария, Рафаэлла, проснись!

...вишное убийство снова потрясло городок Санту-Антониу-да-Платина. На этот раз жертвой стала семнадцатилетняя Рафаэлла Сантьяго. По горячим следам полиция разыскала преступника, им оказался тридцатидвухлетний Фелипе Карлос, ранее уже привлекавшийся к уголовной ответственности за...

Холодеют руки.

Почему мои пальцы меня не слушаются...

Отматываю время назад. Это я умею. Я много что умею, летать в Бразилию без денег, стрелять, отматывать время назад...

Мысленно...

Бегу в сторону холма, сжимаю кольт с серебряными пулями, где я взял кольт, неважно, как я в Бразилии очутился, тоже неважно, кто хочет, тот может. Двое или трое парней бросаются за мной, молодцы, ребята, тут же за ними тетки, бабки, дядьки, Хуано и тот за нами захромал, гремит крик над улицами – Носферату! Носферату!

Вижу её. Вот она, на склоне холма, склонилась над неподвижным тельцем. Знаю, она шла домой, увидела Гильермо, уже убитого, наклонилась, искала в сумочке телефон, вызвать полицию...

Вываливаются из темноты Педро, Гонсалесы, Гильерме, Эрнесты, Розы, Хуанситы, встаю между ними и Ясминой, не троньте её, вы не поняли...

Смуглый парень стреляет в меня, а-а, не у одного меня

кольт с серебряными пулями...

...найден мертвым на съемной комнате. Причина смерти – пулевое ранение в сердце, в теле обнаружена серебряная пуля. Причины убийства устанавливаются, возможно, имел место ритуал сатанистов. Соседи по квартире уверяют, что в комнату никто не заходил. Возможна так же ссора убитого с кем-нибудь из соседей, тем более, доподлинно известно, что в почтовом ящике убитого в тот день лежало извещение о выигрыше – он выиграл поездку в Бразилию на...

2014 г.

Намордники

– А то, может... договоримся?

Парень смотрит на меня. Подмигивает. Что за манера, подмигивать, первый раз, что ли... нда-а, похоже, из новеньких, молодо-зелено, такого и обобрать можно, как липку...

Делаю вид, что не понимаю.

– О чем... договоримся?

– Ну, вы меня не видели, я вас тоже...

– Ну конечно... вот так антиквариат через границу поперли, он меня не видел, я его тоже... хорошо живем...

Парень делает какие-то жесты, чего ты руками машешь, кто ж так деньги показывает...

– Ну что... пять лет с конфискацией...

Разыгрываю из себя строгого дядечку. Очень строгого. Парень бледнеет, как смерть, ой, люблю людей пугать, ой, люблю...

– Еще бы... сокровища такие везете, как из тысяча и одной ночи... картины... кубки золотые... я про такие всю жизнь мечтал, а вы...

– А-а, так давайте подарю! – оживляется, захопотал, тэ-экс, надо хоть прозвонить, что за кубки, а то впарит хрень какую-нибудь копеечную...

– Вот это по-нашему... как это говорят... гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется, да?

Протягиваю руку к товару...

Протягиваю руку...

Протягиваю...

Что за черт...

Рука замирает скованная, артрит, что ли, или похуже

что...

– Что с вами?

– Да... вы мне их вон, в сейф...

Парень тянет руки к кубкам, сгибается пополам.

– Ч-чего такое?

– Во, блин, скрутило...

– Бывает...

– Это, это... новая система правительственная... против взяток... только руку протянул, тебе хоп – и радикулит...

Посмеиваемся.

Мне почему-то не до смеха... почему-то...

– А ты где живешь?

– На луне.

– Да я серьезно.

– Тогда на Марсе.

Смеется. Шутит. Все они поначалу смеются и шутят. Ладно, дело привычное, захочет, сама потом скажет, где живет, с кем живет, зачем живет. Только чтоб не с мужем. Была у меня одна такая, за спиной у мужа со мной крутила, а муженек у нее десантник...

– Ой, киска, айда со мной...

Пьяная шпана проходит мимо в темноте ночи, хватается Лизу, этого еще не хватало, меня здесь нет, что ли...

– Ты чего, а?

– Да брось ты его, кисонька, айда уже с нами...

Что-то взрывается внутри, это есть у меня, завожусь с по-луоборота...

– Парни, вы чего попутали-то?

– Ой, какие мы смелые выискались, ну давай, чего, слабо?

И правда, слабо, один на пятерых, только я уже не думаю, что один на пятерых, бью, как тренер учил, не понимаю, почему я лежу на земле, почему...

– Че, получил? Пошли, киса...

Что-то случается, тощий парень сгибается пополам, еще двое валятся на тротуар, один садится на корточки, сжимая голову, последний бежит куда-то в темноту ночи...

Бежит...

Смотрю на нападающих.

Мертвы.

– Что за черт... оборачиваюсь на Лизу, так только в ужастиках бывает, напали хулиганы, девушка на них посмотрела, они упали замертво...

– Ты... ты это... как?

– Слушай, чесслово, не я...

– А... как? По... чему?

Лизка сжимает мою руку, ну что ты, что...

– Слушай, честное слово, не я это... не я...

Киваю, ну конечно, где тебе, смотрю на Лизку, думаю, как бы расстаться по-хорошему, чтобы она меня в отместку не прибила, ведьма...

– Господин министр... у нас проблемы.

– Вы можете хоть раз прийти и сказать мне что-нибудь другое? Что на этот раз?

– Мы... мы не можем взять Джиннистан.

– Эту крохотную республику? Да не смешите меня, Соммерс. С нашим превосходством...

– Солдаты отказываются воевать.

– Я, наверное, ослышался?

– Солдаты отказываются воевать. Они просто побросали оружие и ушли. Они говорят... что не могут воевать...

– Соммерс, кто из нас сошел с ума, вы или я?

– Они сказали, что все равно не могут сделать ни единого выстрела.

– Все ясно, Соммерс, сошел с ума весь мир...

– Да, мой генерал...

За полгода до этого

– Да какие проблемы, слетать ему недосуг...

– Да мне-то досуг, а этих на кого оставляю?

– Это кого этих... а-а-а, ничего ты живности себе развел...

– Вот я про что и говорю.

– Ой, проблема прямо, можно подумать, убегут... куда они денутся. Улетят, что ли?

– Ну, так-то летать умеют... да я не про то, они ж друг другу глотки перегрызут, я их и то еле сдерживаю, без меня начнется... дым коромыслом.

– Полетят клочки по закоулочкам?

– Что клочки! Они знаешь, какие... тут на пепелище вернись, не меньше.

– Так привяжи, долго, что ли...

– Чем их привяжешь... всех в кандалы заковать...

– Чего в кандалы, намордники надел, и все. вон, на распродаже по дешевке купи...

– Думаешь, сработает?

– Да что не сработает, я своих всегда так оставляю...

– А у тебя тоже есть?

– Давно уже.

– А у тебя какие?

– Ну вот, подъедешь ко мне, покажу.

– Ладно, давай, услышимся... конец связи...

– Говорили, что он ушел.

– Где... говорили?

– Ну, по телевизору в новостях сказали. Вроде как он ушел, нас на привязи оставил, чтоб не дергались...

Недоверчиво смотрю на Лизку, она что, новости смот-

рит... Что-то не нравятся мне девушки, которые новости смотрят, сегодня новости смотрит, а завтра в правительство пойдет, страной управлять...

– Ушел, нас на привязи оставил, чтобы друг друга не убивали.

– А... вернется когда?

Лизка смотрит на меня, как на психа, я-то почему знаю, он мне не отчитывается.

Тоже верно. Лизка включает телевизор, вот, блин, точно сильно умная, не надо нам таких...

– ...можно с уверенностью сказать, что для человечества наконец-то наступил золотой век, о котором мы так давно мечтали. Мы ждали этих времен с самого начала своей истории, можно сказать – мы заслужили эти времена ценой невероятных страданий, кровопролитных войн, испытаний, выпавших на нашу долю. Мы наконец-то можем смотреть в будущее, с уверенностью говоря – больше на земле не прозвучит ни одного выстрела, больше не прольется ни одной капли крови...

– ...ну, это он загнул что-то, – шепчет Лизка.

– Точно...

Яркая вспышка в ночном небе, грешным делом думаю – уже кто-то фейерверки пускает на радостях. Ладно, самое время, в честь...

Нет.

Это не здесь, не на земле, это там, там, в небе... Снижа-

ется что-то, все ближе, ближе к нам, голубые огни, падающие звезды...

– Он, что ли, возвращается?

– Похоже...

– Ну, сейчас начнется...

Кто-то и правда пускает фейерверки, встречает хозяина, вспомнил-таки про нас через семь лет, где он там был...

– Видишь, говорил я тебе, ничего без тебя не случится, как вертелась, так и вертится...

– Куда она денется...

– А я про что... Ну давай, хоть покажи мне, что тут у тебя как...

– Я сначала этих проведу... беспокойно за них что-то...

– Точно, проведи, мало ли... заодно и мне покажешь, что у тебя там за живность...

– А... а где они?

Хозяин ходит, оглядывает землю, непривычно пустую, непривычно притихшую...

– А... где?

Хозяин оглядывает полуразрушенные города, руины дворцов, остатки мостов, заглохшие электростанции...

– Куда они... все?

Наступает на чей-то изглоданный скелет, вздрагивает. Еще скелет, еще...

– Кто их... так?

– Вон... следы...

– Где?

– Да вон же... треугольничками... вся земля истоптана...

– Это кто-то тут был...

– Да бывает... бродячие всякие... у которых своей земли нет...

Хозяин не понимает. Начинает догадываться, еще не верит себе, еще... Набрасывается на гостя, которому только что клялся в вечной дружбе до конца вселенной и после...

– Намордники... намордники... Ненавижу тебя! Ненавижу! Ненавижу!

2014 г.

Ценный груз

– Это до Москвы дорога?

– Ась? – сухонький старичок подносит ладонь к уху.

Выбираюсь из машины, подхожу к старичку, ору ему в самое ухо.

– До Мос-квы до-ро-га?

Не умею я орать, не умею, сколько живу, столько не умею, а в нашем деле без ора никак...

– Не-е... эт до Алябьевки, а до Москвы во-о-он...

Киваю. Тут же спохватываюсь.

– А в Алябьевке что?

– А... да ничего, так...

– Как всегда?

– Ну... по мелочам... А потом будет смерть в пьяной драке...

Брезгливо морщусь.

– Не надо.

Дедулька пожимает плечами, не надо, так не надо, мне-то что говоришь...

Возвращаюсь к машине, прикидываю, как бы половчее добраться до Москвы. А то груз ценный, а я с ним уже вон сколько мотаюсь, будто так и надо. Потеряю груз, мне потом голову мою потеряют, мало не покажется.

Димка тоже возвращается к машине, садится за руль,

жмет на газ. Вижу, устал парень, да мы оба устали, ничего, потерпи, скоро и Москва...

Отзваниваюсь боссу.

– Чего такое?

– Груз доставлен...

– Куда доставлен?

– В Москву.

– Вы мне что теперь из-за каждой вехи звонить будете?

Отключается. Чувствую, что краснею. Вот так, дождется босс, случится тут что-нибудь серьезное, и фиг я ему позволю...

Выхожу из дома, где снимаем квартиру. Окликаю прохожего.

– Скажите, эта дорога куда ведет?

– А в Бизнес-Дом. Карьеру хорошую сварганить можно...

– М-м-м... а эта?

– Да вон, в кабак.

– Это не надо...

– Да зря вы так, весело у нас там...

– Без меня как-нибудь веселитесь... А эта дорога?

– У-у-у, длинная...

– Да я не спрашиваю, длинная-короткая, куда ведет-то?

– Квантовые технологии. Институт...

– А дальше?

Прохожий машет рукой, показывает что-то запредельно-высокое. Хочу расспросить еще, не успеваю. Димка выходит из подъезда, садится в жигуль, устраиваюсь на сиденье рядом. Нужно что-то делать, нужно куда-то доставить груз, выбрать бы еще, куда...

Выруливаем со двора, ну же, ну...

Потихоньку подталкиваю руку Димки, он меня не видит, не замечает, только чувствует.

Тихонько выворачивает руль. На дорогу до института...

– Уважаемые пассажиры, просьба пройти...

Проходим. Думаю, зачем летит Димка, по делам, или так, к очередной пассии. Ладно, не мое дело, мое дело – доставить груз.

В целости и сохранности.

Входим в самолет, как всегда прикидываю обстановку, как всегда кажется, вроде бы нормально. Самолет, конечно, не первой свежести, и даже не второй и не третьей, ну да это про все самолеты можно так сказать...

Сажусь рядом с Димкой, на то же место садится необъятная тетка, устраиваюсь у неё на коленях. Разносят ужин, раскрывают столики, смотрю на пюре с курицей, вроде ничего страшного, курица, конечно, не чистенькая-здоровенькая, по подворью бегавшая, ну тоже не смертельно...

Груз будет доставлен.

В целости и сохранности.

Самолет вздрагивает, клюет носом, кто-то вскрикивает в салоне, кто-то молится...

Уважаемые пассажиры, просьба пристегнуть ремни...

Так, началось, думаю про себя, ты мне еще в океан уподи, железяка чертова...

А ведь упадет.

Звоню боссу, что еще делать, только боссу звонить...

– Ну что у вас там?

– Самолет... падает.

– А какого вы в самолете делаете?

– В Чикаго летим.

– А какого вы в Чикаго летите?

– Да... по делам... по квантовым технологиям...

– А какого вы квантовыми технологиями занимаетесь?

– Ну... я так решил...

– А какого вы так решили, я вас на хрена послал груз доставить? Это называется, в целости и сохранности? Да его там на тридцать три раза уокошат...

– А сейчас-то что делать?

– Снимать штаны и бегать! Не знаю, сами как хотите, выкручивайтесь, если вы мне груз загубите, я уже не знаю, что я с вами сделаю...

Отключается.

Выкручиваюсь. Как хочу. Пробираюсь в машинное отделение, ни черта не понимаю в технике, а надо понимать, надо что-то делать... Пытаюсь прочувствовать, где что не так, ну

же, ну... вижу, вон там дрянь какая-то перегорела, мне-то от этого не легче, не умею я чинить перегоревшую дрянь...

Выбираюсь из самолета, расправляю крылья. Подхватываю на свои крылья крылатую машину, ну ты только не падай, не падай, держись, ты же сам не хочешь падать, сам не хочешь оказаться на дне морском...

Теперь, главное, посадить самолет... не умею я сажать самолеты, в жизни не пробовал, а здесь никто не спросит, пробовал или нет...

Самолет опускается резко, вот-вот клюнет землю носом...

Поднимаю самолет, иду на второй круг...

Ну же...

Шасси больно вжимают меня в асфальт, крылатая машина несется по взлетной полосе.

Обошлось...

Больно... ладно, это мои проблемы, что больно, главное, груз доставлен...

Выхожу из машины, смотрю на развилки дорог.

– Это докуда?

– Чего-о? – спрашивает бомжара у обочины.

– Дорога докуда ведет?

– Да нидокуда.

– Я серьезно.

– И я серьезно... там мост на хрен развалился...

– Я-аснго... а эта?

– В кабак.

Сплеываю. Вот, блин, куда ни плюнь, все дороги ведут в кабак... ну, не все...

– А та?

– Ой, не надо...

– Та дорога куда ведет, я спросил?

Говорю командным тоном, у Димки выучился, да у какого Димки, он теперь Дмитрий Игнатьевич, птица важная...

– Это на мировое господство.

– Пойдет.

– Да вы что, это ж для... всяких там...

– Вот мы и есть всякие там. Или директор Квантаскопа по-твоему не всякий там?

Бомжара охает, шарахается от меня, как черт от ладана. Чего вытаращился, человека не видел, что ли...

Забираюсь в машину, на заднее сиденье рядом с Димкой. Для меня он как был Димкой, так Димкой и остался, будь он хоть президентом планеты. Тихонько поворачиваю руку шофера.

Едем. Чувствую, цель близка, повезет, груз доставлю... Через города, через континенты, через трассы, через станции и перегоны...

Вижу впереди громадину делового центра...

Дорогу подрезает джип, еще не понимаю, что к чему, закрываю собой Димку...

Автоматная очередь...

Боль...

Кровь на крыльях...

Закрываю собой, только не в Димку, не в Димку, не в Димку...

– Ну все... молодец, доставили...

– Р-рад стараться...

Даже нет сил говорить, ни на что нет сил...

– Век не забудем... ну что... новый заказик примете, или отдохнете пару деньков?

– От... от...дох...

– Понятно все с вами...

Спохватываюсь.

– А... с этим... что?

Показываю на Димку.

– А все... молодец, доставили...

Кто-то большой, невидимый и неведомый бережно сворачивает человеческую судьбу, которую я выстраивал так тщательно. Сворачивает. Прячет в сейф, в ячейку под каким-то там номером. Все еще не могу понять, а что же человек, человек...

– Ну что такое? Идите, отдохните...

– А Димка?

– Кто?

– Человек!

– А-а, ну да... человек...

Подхватывает человека, подошедшего к концу пути, бросает в бездну.

Все еще не понимаю, ошибка акая-то, насмешка какая-то над здравым смыслом, так не бывает, так не может быть...

– Ну, все... отдохнешь с месяцок, и вот заказик, женщина одна, проведешь её по жизни, чтобы там все при всем, ну, не то, чтобы совсем тишь да гладь, но чтобы без бурь...

Не слышу его, не понимаю, не верю себе, смотрю в бездну с обшарпанной надписью у-ти-ли-за-ци-я – быть не может, это ошибка какая-то, что же там, там...

2014 г.

Девичья фамилия принцессы Турандот

– Давай живее... битва на Мамаевом кургане какая была?

Данька оборачивается ко мне, смотрит отчаянно, глаза блестят, ясное дело, время-то поджигает. Вон оно тикает, четыре минуты с чем-то там...

– На Мамаевом кургане... – кусаю губы, – стой, дай вспомнить... да там, где хан Мамай сражался, так, вроде...

– Куликовская? – Макс хмурится, – нет, что-то не то говоришь...

– Что не то, Мамаев курган, хан Мамай, что ещё надо-то?

Показываю на время, поджигает, поджигает, некогда тут турысы на колесах разводить...

– Нет, не то говоришь... Мамаев курган... это в Волгограде... бывшем Сталинграде. Значит, Сталинградская битва! – Макс хлопает меня по спине, – эх ты... историк... Геродотиха долбанная...

– Нет, не то говоришь, точно тебе говорю, Мамай! – Данька косится на третью дверь, – айда...

– Да ты рехнулся, жить надоело, или как?

Смотрим друг на друга. Первый раз случился раскол между нами, вот такой, явный, когда одни в одну сторону, другие в другую.

– Иди, иди, посмотрим, как тебя там хан Мамай зарубит, – отмахиваюсь, киваю остальным, – айда, ребята, в левую дверь.

Данька идет в третью дверь. Вот так. Внезапно. За ним увязываются еще четверо, в их числе Витек, что-то торкает в сердце, Витька терять не хочу...

– Стой!

– Айда с нами... – хватает меня под локоть, сердце делает сальто.

Дергаю его на себя что есть силы, оба падаем на пол, Витек оторопело смотрит на меня, ты че, а, чего попугала...

Остальные уходят в дверь с надписью – Куликовская битва. Дверь захлопывается, как-то нехорошо захлопывается, быстро.

Таймер на стене отсчитывает секунды, мы про него уже не помним...

За дверью кричат, крик переходит в сдавленные хрипы...

– Аминь, – шепчет Макс.

Спохватываемся, подскакиваем, бросаемся в двери с надписью – Сталинград, хорошо хоть дверью не ошиблись, если не ошиблись, если...

Ждем.

Ничего не происходит. Комната как комната, большая, со множеством дверей, холодные лампы под потолком.

Обошлось.

Переводим дух. Спохватываемся, потеряли троих, вот

так, внезапно, да мы всегда теряем кого-то внезапно.

Разворачиваем скромные пожитки. Поминаем погибших. Земля им пухом, и все такое. Почему говорят, земля пухом, земля, это же небесное тело, если в астрономии, или сложный комплекс из органических и неорганических элементов, если говорить про геологию...

Мы это знаем.

Здесь это нельзя не знать...

– Ты меня спасла, – Витек сжимает мою руку.

Даже нет сил ему ответить. Ни на что нет сил, вот, черт, сколько наших потеряли, до сих пор привыкнуть не могу, нервы ни к черту...

– Естественный отбор, – говорит Макс, – кто знает ответы, тот живет, кто не знает, тот вот так... за закрытыми дверями...

Смотрим на Макса. Испепеляюще. Идиотина такая, мог бы и не говорить. Так-то оно так, отбор-то он отбор, только это где-то там, в учебниках, а тут, с живыми людьми...

Делаем привал. Переводим дух. На всякий случай оглядываем комнату, нет ли чего. Нет, здесь ловить нечего, ни еды, ни учебников, ни одежды никакой. Перебираемся к дверям, здесь посложнее, здесь нет вариантов ответа, на двери написано коротко – Блок.

И клавиши.

Блок... какой блок, почему блок, откуда блок, черт пойми...

– Это из механики что-то...

– Не-е, блок питания...

– Не-е, это блок-схема есть такая...

Спорим. А что спорить, если не знает никто...

Спохватываюсь.

– Мы все идиоты.

– Думаешь? – Макс косится на меня, ох, не любит Макс признавать себя идиотом, не любит...

– Я не думаю, я знаю... – иду к клавишам, черт, какие мы все дебилы...

– Чш, куд-да понесло, в ловушку хочешь? – Макс пытается перехватить меня, не успевает, добираюсь до клавиш, выстукиваю:

По вечерам над ресторанами

Горячий воздух дик и глух...

Парни смотрят. Не верят. Сомневаются.

– Думаешь?

– Знаю.

Жму на ввод. Кто-то еще успевает прошептать, если из-за тебя сдохнем тут все, я тебя убью...

Дверь открывается. Кто-то подталкивает меня, раз такая умная, иди первой.

Иду. Уже не чувствую себя такой умной, сейчас напорюсь на какие-нибудь штыри, из стены лезущие, мало не покажется...

Ничего не происходит. Восторженно оглядываюсь, нда-а,

не прогадали мы, жратвы здесь, в комнате, всерьез и надолго хватит, и не только жратвы, тут и одежды, и всего, всего...

– Ну ты, Ирка, вообще гений... здесь надолго останемся...

– Если нам дадут здесь надолго остаться. А то сами знаете, только обустроишься, и на тебе, или потолок на бошку поперет, или еще чего...

– Сплюнь.

Сплевываю. Смеемся. Короткая передышка. Которой нужно воспользоваться с умом, – читать книги, книги, какие тут есть книги, перечитать все, проштудировать, чтобы не стоять перед дверями потом, не смотреть, как баран на новые ворота...

Противоположная дверь распахивается.

Резко.

Внезапно.

Вздрагиваем, это новенькое что-то, кого тут напустят на нас в этот раз, бешеных собак или танки, или...

Откуда парни успели оружие вытащить, вот это реакция, уже сжимают какие-то кольты, парабеллумы, кто что достал в лабиринте...

Визг.

Стайка девчонок выходит из двери, тут же с визгом разбегаются, ай-й, не надо, не надо... бежим за ними, да вы стойте, девки, не бойсь, ничего вам не сделаем. Сами не понимаем, как оказываемся в соседнем зале, за нами захлопывается дверь. Макс колотит в дверь кулаками, распахивает,

там уже другая комната, ощерившаяся экранами, вопросами, введите дату Ледового побоища, назовите девичью фамилию принцессы Турандот...

– Продрали жратву, – шипит Макс.

– Да будет тебе при девчонках-то, – пытаюсь его урезонить, знаю, бесполезно.

– Да ты-то уже привычная...

– Я-то привычная, а они?

Показываю на девчонок: драные джинсики, юбочки по самое не балуй, розовые топики, сумочки с какими-то очередными супергероями, модными в этом сезоне. Накрашенные губы дрожат, вот-вот заплачут, это я про девчонок, а не про супергероев...

– Не бойсь, девки... – шепчет Витек.

– Мы... мы не виноваты...

– В чем?

– Ни в чем...

– Тоже верно...

– Не... не убивайте...

– Делать нам больше не фиг, девчонок убивать. Меня Максом зовут.

– А... Алина, – одна из моднявок робко протягивает руку, черт, что у нее там, на ногтях нарисовано, не-е-е, я в её возрасте и то так не изгалялась...

– Саюри.

– А настоящее имя как? – смеюсь, – ладно, не называй...

– А... а вы нас когда отсюда выпустите?

– И ты у меня спрашиваешь? Будь моя воля, так хоть сейчас.

– А... а чья воля?

Фыркаем. Знакомая история, те, кто недавно сюда попали, вот так вот и бегают, и спрашивают, а когда нас отсюда выпустят, а кому жаловаться, а во-о-он той стенке жалуйтесь, может, выслушает...

– А вы как сюда попали? – спрашиваю.

– Мы... мы не нарочно.

– Мы не хотели...

– Еще бы вы попасть сюда хотели... Я спрашиваю, попали как?

– Не... не помню...

– А ты?

– Не...

– Ты?

– Это... меня машина сбила.

Вздрагиваем. Вот черт, первый человек, который что-то помнит, хоть что-то...

– Машина сбила... и?

– И... – девчонка мотает головой, она так свое имя и не назвала, какая-нибудь Рейнбо Дэш или Маюми-Киимоно-то-Недошито, – не... не помню.

Сбила машина, сбила машина... пытаемся понять, что это может значить. На загробный мир что-то не похоже, да что

значит, не похоже, можно подумать, кто-то знает, как должен выглядеть загробный мир...

– Не помнишь? – Макс наклоняется к девчонке, у той губы дрожат, только не разревись, мы сами тут все скоро разрежемся, – ну... повспоминай потом... это важно, очень важно...

Спохватываемся, что так ничего и не успели взять из зала с едой, вот что значит, мозгов нет. У кого мозгов нет, тот здесь не выживает, мы это давно поняли, с ранних лет, когда еще ревели в пустых комнатах, звали маму, а на экранах высвечивалось – сколько будет два плюс два умножить на два, и кто писал шесть, тот проходил в комнату, где стояли тарелки с едой, а кто писал восемь, тот уходил в другую комнату, откуда не возвращался больше никогда.

– А... а кормить когда будут? – спрашивает Саюри.

Фыркаем. Сами так когда-то спрашивали.

– Как только, так сразу, вон, в колокольчик позвони, тебе омаров в белом вине принесут.

– Где... колокольчик?

Парни хохочут, хороши ржать, забыли уже, как сами маленькие были, по ночам всхлипывали, к маа-а-аме хочу-у-у!

– А вот... на двери задачка, решим, значит, дальше пойдем, в соседнюю комнату, а там еда, – показываю на экран.

– От-ку-да-ро-дом... ав-стра-ло-пи-тек...

Чуть не фыркаю, вот, блин, девке лет тринадцать, читает по складам, я в ее годы... ладно, не судите, да не судимы бу-

дете. Откуда фраза? Надо вспомнить, а то еще вопрос попадет.

Австралопитек... Питек, питек, обезьяна, это что-то из теории эволюции, разбитые черепа таращат глазницы, Дарвин почесывает бороду, ученые до хрипоты спорят, к какому виду отнести только что найденные останки, это еще обезьяна, или уже человек...

– Из Австралии, – выдает Саюри.

Хочу согласиться, тут же спохватываюсь, маячит перед глазами картинка из учебника, расселение человека по планете, и все-все стрелочки расходятся из Африки...

– Почему... из Австралии?

– Ты дура, что ли, австрало-питек, из Австралии.

Вздрагиваю. Думаю, что ослышалась, как-то не принято у нас было оскорблять друг друга, уж на что спорили до хрипоты, до отчаяния, русским по белому тебе говорю, Торквемада и Грозный в одно время жили. Не знаю, что отвечать, когда вот так оскорбляют, этому нас компьютеры не учили, они нам не говорили – ты дура, что ли...

– Точно, из Австралии, – Витек кивает, – ну ты голова, Саюри, в жизни бы не догадался, Австрало-питек... обезьяна, то бишь... австралийская.

– Да нет же, они все из Африки, – говорю, меня никто не слышит. Вот это первый раз, когда я говорю, меня не слышат, парни буквально пожирают глазами девчонок, Витек смотрит на Саюрину юбку, вернее, на то, что под юбкой.

Кто-то из девчонок набирает на клавишах – Афстралия, кто-то поправляет, да ты вообще долбанутая, Ав-стралия пишется, пошла отсюда на хрен, дай я наберу...

Как-то быстро кончилась моя власть, да была ли она, – единственную девчонку среди парней, оберегали, слушались, соображали что-то на восьмое марта, в темноте вечера бледнея и краснея признавались в самом сокровенном...

Все уходит в открывшуюся дверь, Саюри хватает под руку Витька...

Австрало-питек...

Будто током шибает, Австралия, южная земля, австрало-питек, южная обезьяна, ни разу не из Австралии...

– Стойте!

Не слышат.

Исчезают.

Смотрю, как закрывается дверь...

Тишина. Короткие смешки за дверью, потом отчаянный визг, крики, от которых хочется плакать.

Набираю на клавишах – Австралия, сама не знаю, зачем.

Дверь открывается, за дверью уже все кончено, никого нет, электронно-вычислительные чистильщики смывают с пола свежую кровь, мечется в кровавых потоках кулончик с чьей-то шеи.

Отскакиваю от двери, как только не перешагнула порог...

Набираю на клавишах – Африка.

Дверь распахивается, меня встречает уютный диванчик,

стол, сервированный на одного, вот сволочи, откуда они уже знают, что один человек живой остался?

Они.

Кто они?

Не знаю.

Потолок чуть вздрагивает. Хорошо знаю это вздрагивание, когда потолок начинает медленно но верно опускаться.

Оглядываю двери, на одной какие-то интегралы, это Максик у нас знал, я в интегралах как свинья в апельсинах. На второй двери задача из области квантовой механики, еще хуже. Третья... к кому Пушкин обращался здравствуй племя молодое, незнакомое?

Это знаю.

Хорошо знаю. Варианты ответов – к подросткам, к соснам, к девушкам, к потомкам...

Лешка тогда ответил – к потомкам. Шагнул за дверь. Я шла за ним, еще успела отпрыгнуть, до сих пор помню лешкину кровь, брызнувшую мне в лицо.

Димулька ответил к подросткам, Димулька провалился в бездну, это я хорошо помню. И Эвелину помню, которая ответила – к девушкам. Аминь.

Потолок опускается все быстрее.

Отвечаю – к соснам.

Вхожу в комнату, уже нисколько не сомневаюсь, что сейчас мне отрубят голову.

– Пришла?

Вздрагиваю. Больших мужчин не видела никогда, ну как никогда, был у нас один раз взрослый мужичище, Антон, о нем никаких воспоминаний не осталось, только как он с пеной у рта доказывал в какой-то задаче, клиновидная это кость, клиновидная, потом набрал на клавe – клиновидная, шагнул за порог...

Больше его не видели.

А этот незнакомец... глаза с хитрецей, волосы с сединой, губы с усмешкой.

– Пришла?

– Ага...

– А давай я тебе чаю соображу, раз ты молодец такая, пришла...

– Ирина.

– Чего?

– Ириной меня зовут.

– А-а, а я Фей Феич.

– Фея, она же женского рода.

– То фея. А я Тимофей Тимофеич, вот.

Задаю протокольные вопросы.

– А вы давно здесь?

– А... с самого начала.

– С начала чего?

– Всего.

– А как сюда попали?

– Да... как все это построил, так и попал.

– А там, снаружи что?

Фей Феич делает какой-то неопределенный жест, мол, лучше и не знать.

– Молоток, девка, молоток, вырастешь, кувалдой будешь...

– А это что значит?

– Узнаешь... узнаешь... Вон, выучу миром управлять, – кивает на скопище экранов и клавиш, – далеко пойдешь...

Начинаю понимать. Фей Феич отворачивается, хлопчет над чайником, бормочет что-то, бли-ин, есть-то нечего, я ж гостей не ждал. Ничего, счас со склада чего-нибудь притараканим...

Осторожно вытаскиваю свой парабеллум, в жизни не стреляла в живую мишень...

– ...пирог... или курочку какую принести, гриля будешь?

Разряжаю парабеллум. Нехорошо получилось, он как раз обернулся, пули его как-то наискосок прошили, Макс бы сказал – грязно сработано.

Шмякается на линолеум. Бросаюсь к нему, может, еще живой, не хотела я так, не хотела, счас встанет, наподдаст, мало не покажется.

Нащупываю жилку на шее.

Понимаю, что уже не встанет. И не наподдаст.

Перебираю клавиши, знать бы еще, что к чему, теперь я этого никогда не узнаю, опен, опен, только бы не ошибиться,

жму на опен...

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ ОТКРЫТЬ ЛАБИРИНТ?

Понимаю, что нажала правильно.

Выхожу из лабиринта. Наверное, последняя. Все пленники уже разбежались. Оглядываю громадину того, что было нашей тюрьмой, почему-то изнутри она казалась гораздо больше, чем снаружи. А может, так и есть, изнутри она больше. Кто знает, сколько измерений там понатыкано, четыре, пять, десять, миллион...

Выхожу. Надо куда-то идти, надо вспоминать, как жила до того, как, если вообще жила. Идти куда-то, в полицию, а к вам лет пять назад не обращались, что девочка пропала, какая, ну такая, ну не знаю, какая...

Лабиринт шевелится, изгибается причудливой дугой, закручивается мертвой петлей на самом себе, что-то происходит в нем, сталкиваются какие-то пространства, эпохи, времена, измерения.

Вижу девчонку, идущую к лабиринту. Куда идет, дуреха, жить, что ли, надоело, или как? Окликаю, не слышит, задним числом понимаю, что между нами протекает время, какое-то не наше время, – полгода разницы во времени между нами, не меньше.

Еще задним числом понимаю, что вижу себя. Вон она, то есть я, идет к лабиринту, кусает губы, редела, что ли, очень

похоже... Почему-то человек в петлях времени никогда не узнает своего двойника, не привык видеть самого себя.

Входит в лабиринт... Что она там забыла, или умереть решила от несчастной любви, да поздно умирать, вроде бы умерла ее несчастная любовь еще в лабиринте.

Идет, кусает губы, точно ревела, поднимается по лестнице в кабинет Фей Феича, что она там забыла, да много там чем поживиться можно.

Входит, садится за клавиши, снова кусает губы.

**ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ АКТИВИЗИРОВАТЬ
ЛАБИРИНТ?**

Она действительно хочет.

Активизирует.

Лабиринт оживает, выставляет ловушки: ярко раскрашенные бутики, Макдональдсы, киношки, распродажа, сейл, сейл, сейл, семьдесят процентов, только сегодня, только у нас.

Глазам не верю, когда она, то есть, я, готовит ловушки. И капканы. И еще что-то страшное, Фей Феич бы застрелился в гробу, если бы увидел.

Перевожу дух.

В конце концов, это только один из вариантов реальности. Не всегда правильный.

Смотрю на себя за пультом, на два тела Фей Феича, одно свежее, убитое только что, другое пролежавшее полгода, изъеденное муравьями.

Я вторая жму на клавиши.

Я первая же ухожу от лабиринта, я знаю, что не вернусь сюда, не вернусь, что это ее, то есть меня, сюда потянуло...

2013 г.

Будильники

Выжидающе смотрю на шефа.

– Где на этот раз?

Шеф недовольно косится на меня, поводит минутной стрелкой.

– А с чего вы вообще взяли, что я вас работать посылаю?

– Так уже по лицу вашему видно, что случилось что-то...

– Верно, случилось.

– Так где? На Тибете?

– Можно подумать, других мест кроме Тибета нет...

– Так где же?

– В Чикаго.

– Ух, полетаем, – восторженно вздыхает кто-то из новеньких.

Я их радости не разделяю, летать мне совершенно не хочется. Остался бы дома, посидел бы в кресле у камина, да и посижу: можно подумать, без меня лететь некому...

Начальник оглядывает нас, новички рвутся вперед, отгалкивают друг друга, можно я, можно я...

Ну-ну...

– Вон ты... и вы, – часовая стрелка босса указывает на меня.

Вздрагиваю.

– Но...

– Что но, куда новеньких-то одних выпускать, заблудятся на хрен! Давайте, полетели... утро скоро, пора уже...

Распахиваю окно, прыгаю с подоконника. Ветер подхватывает меня на полпути к земле, несет над городом. Делаю вираж, оборачиваюсь, смотрю на новенького, ну какого черта ты там, на подоконнике мнешься, вот вся молодежь сейчас такая, пока не подпихнешь их с подоконника, не прыгнут...

Кто-то толкает новичка сзади, новичок машет крылышками, перепугано дребезжит. Ну, ты только упали мне, только упали...

Нет, не падает. Летит. Поднимается над городом, серебрит в свете блекнувшей луны. Говорит восторженно:

– Здорово, в Чикаго полетим...

Не выдерживаю:

– Чего ты там не видел? Дым, гарь...

– Да ну, интересно... как бы мир посмотреть. А то я как бы дальше Лондона не был нигде...

Морщусь от как бы, ладно, я в учителя русского языка не нанимался...

– А вы как бы где были?

– Да везде... Чикаго, Париж, на Тибете раза три был, Рио-Гранде, в Мексике, потом в Крыму...

– Здорово... как бы весь мир посмотрели...

– Вот именно, что как бы. Я ж толком и не видел ничего, мы же там по работе бываем. Все хочу как-нибудь отпуск взять, мир посмотреть... как следует...

– А как бы сколько дней тут отпуск?

Морщусь всеми стрелками. Вот, молодежь, про отпуска думает... про зарплату... я сюда нанимался, вообще ни про какую зарплату не думал, по велению сердца шел...

Чарли оглядывает огромные дома, парящие в небе. Чарли знает – там квартиры, много квартир, большие, светлые, чистые, в них можно жить, можно утром выходить в большой холл и через огромное окно смотреть на море...

Чарли подходит к одному из домов, поднимается на крыльцо, входит в подъезд за другими людьми, поднимается по лестнице, протискивается в лифт. Нет, быть не может, чтобы не было здесь свободной квартиры для Чарли, это же сон, во сне все бывает...

– Вы куда?

Какие-то люди гневно смотрят на Чарли, как всегда во сне не разобрать лиц.

– Э-э-э...

– Так вы куда?

– Д-домой.

– Идите, идите, у вас свой дом есть.

Чарли выходит из новостроек – легких, красивых, парящих в воздухе. Во так, идите в свой дом. Даром, что сон, даром, что все возможно.

Делать нечего, Чарли идет домой. А то во сне начинается ночь, а ночью нужно быть дома, а то что-то страшное случит-

ся... И идет Чарли к своей хибаре, что-то лучше чем ничего. А с каких это пор в трехэтажной хибаре появился лифт? А, ну да, это же сон.

Кто-то из стоящих в лифте нажимает на кнопку 60. Чарли не успевает ничего возразить, лифт легко поднимается на шестидесятый этаж, раздвигается. Черт, опять переться на второй, где живёт Чарли. Толпа выносит Чарли из лифта, и не вернешься, и кто-то ведет Чарли в дальний коридор дома, неожиданно ставшего огромным, показывает – там вы живете, там.

Чарли в растерянности: с одной стороны, он живет на втором этаже, а с другой стороны это все-таки сон, сон, значит...

– Вот он... – Клок подобострастно смотрит на меня, – я его как бы вычислил.

– Сектор?

– А как бы пятый. Плюс-минус три единицы.

– М-м-м... плохонько, надо бы одну. Ладно... полетели.

Делаем хороший круг над снами, – почти сразу замечаю в толпе видений живого человека, который растерянно мечется по коридору.

– Вот он!

Показываю Клоку на человека, так, на всякий случай, вдруг не увидит. Нет, видит, все понимает, молодец парень...

– А как бы можно начинать?

– Еще нет... ближе надо.

Приближаемся. Человек видит нас, бежит по коридору, хочет спрятаться. Сон вроде бы простенький, одноуровневый, хотя кто его знает, человек такая скотина, куда только не прыгнет...

– Зря ты его спугнул, – на лету бросаю Клоку, – вот теперь ловить его.

– Виноват...

– Ничего, лиха беда начало... я вообще первый раз человека упустил... так и не нашли.

– А как бы и так бывает?

– А то... ну давай... начали.

Мой напарник начинает отчаянно дребезжать. Делаю то же самое на полтона ниже, в самые уши человеку, ну только посмей не проснуться...

Человек вываливается из сна, выпадает, еще отчаянно хватается за края, за последние штрихи сновидения, а нет, все, врешь, не уйдешь, подскакивает в кровати, тянется к нам, хочет выключить, не-ет, шалишь, летаем над ним, дребезжим, вставай-вставай-вставай, и так уже на работу проспал...

Человек плетется в сторону ванной, бормоча проклятия...

– Все больше людей стараются уйти в сон насовсем – как

известно, человек во сне долго не живет, умирает, – старенький лектор поправляет число двенадцать на своем циферблате, – поэтому наш труд очень важен для всех. Погонщики людей выполняют исторически значимую задачу...

Чувствую, что начинаю засыпать. Еще подмечаю про себя, что лектор называет нас не будильниками а по старинке, погонщиками людей.

Пытаюсь представить себе, как это было века и века назад, когда наши предки летели в сны, выискивали там людей, еще диких, необузданных, – и перезвоном, громким перезвоном гнали их в большой мир, полный солнечного света.

Вижу, что шеф на связи, понимаю, что звонок среди ночи не предвещает ничего хорошего.

– Спишь? – зачем-то спрашивает начальник.

– Какое спишь, самое время сейчас наше...

– Это хорошо. Ну что, аврал.

Вот так, громом среди ясного неба – аврал.

– А... что такое?

– В Новосибирск давайте. Всей стаей.

Мне кажется, я ослышался.

– Всей... стаей?

– Всей. Новичков берите, и старичков, и всех, всех...

Понимаю, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

Все-таки спрашиваю:

– Но... может... до утра подождать, люди по сну походят

и вернуться?

– Черта с два они вернуться. Собрались, и в сон пошли. Толпой, понимаете вы? Всей толпой повалили. Организованно.

Вздрагиваю.

– Быть того не может. Человек во сне сам по себе, как они в стаи собятся...

– А вот сбились. Так что давайте... все летите.

Делать нечего, собираю всех, всех, сколько нас есть, молодые недовольно ворчат, ух ты, уже и молодые ворчат, чего сдернули среди ночи...

А того.

Собираемся в стаи, летим над миром, влюбленная парочка сидит на крыше, показывают друг другу на нас, щелкают на телефон...

Ну-ну...

Спешим.

Машем крыльями.

По пути лихорадочно соображаю, что будем делать. Потому что это что-то новенькое, совсем новенькое, чтобы люди вот так всей толпой в сны уходили.

Приближаются огни Новосибирска, смотрю в темноту ночи, в темноту по ту сторону ночи, выискиваю людей...

Нет.

Хоть убейте, ничего не вижу.

Совсем.

– А как бы никого... нет, – говорит Клок.

– Да какое там никого нет, должны быть!

Гневно дребезжу, даром, что дребезжать пока не на кого.

Оглядываю лабиринты сна, – бескрайний океан, в котором расположился город, наполовину торчащий из воды. какое-то фантазмагорическое подобие Петербурга. Водную гладь рассекают парусные фрегаты, где-то в большом дворце дают бал...

Смотрю на танцующих: нет, это не люди, это сны, фантомы, фантазмагории. Прощупываю, прочувствываю местность, быть не может, чтобы никого не было...

А нет, есть. Вон там, где город чуть-чуть выступает из воды, поднимается мраморной лестницей, ветвится тротуарами. Вот и люди, замаскировались под группу туристов, идут по улице...

Взмахиваю крыльями, кричу:

– В атаку!

Летим в атаку, делаем крутой вираж над площадью. Люди видят нас, предводитель людей что-то кричит, беглецы сворачивают в неприметный лаз, прикрытый плющом, исчезают, чер-р-р-рт, упустили...

– За ними!

Лечу в лаз, кто-то кричит, да можно поверху облететь, а нельзя поверху, будто сами не знаете, по законам сна там портал какой-то в лазу, портал...

Влетаем в портал, оказываемся на бескрайнем зеленом

лугу, на краю которого возвышаются сосны. Люди уходят, не уходят – убегают по лугу, скорее, за горизонт. А мои молодцы, уже сами смекнули, что к чему, летят за людьми...

Летят за людьми...

Летят...

...выбросился из окна семнадцатого этажа...

...количество депрессий выросло в десять раз...

...людям приходится работать каждый день по двенадцать часов, чтобы...

Дребезжу.

– Наза-а-а-ад!

Мои бойцы не понимаю, думают, это я людям кричу.

Снова ору:

– Будильники! Назад!

Будильники оторопело оборачиваются, смотрят на меня.

– Оставьте их... пусть идут...

– Пусть идут?

– Пусть... Вы посмотрите... как им хорошо... там...

Смотрим. Люди садятся в автобус, кто-то вспоминает, что забыл что-то Важное, как бывает во сне, остальные ждут его, конечно, беги, принеси Важное. Автобус едет в сторону великолепного города, дома поднимаются из пустоты по мановению человеческих рук.

Приказываю будильникам.

– Назад давайте... в явь.

Летим в явь. Только сейчас понимаю, как меня вымотала эта погоня. Да и остальных, похоже, тоже.

– А дома как бы что скажем? – спрашивает Клок.

– Что скажем... упустили, что скажем. Можно подумать, первый раз упускаем.

Взмахиваем крыльями, проносимся по улице бесконечно-многоэтажного города, где едет перед нами бесконечный многоэтажный автобус. Надо торопиться, надо лететь назад, в большой мир, скоро утро, пик-пик семь, надо дребезжать, надо вытаскивать из сна всех, кто там застрял, гнать на работу...

Гнать...

Клок подлетает ко мне, близко-близко, ты осторожнее, парень, зашибу крылом...

– А мы тут как бы посоветовались...

Отмахиваюсь.

– Потом, потом.

– Да не потом! Мы тут как бы решили... а если...

– Что если?

– А если... а?

У меня внутри сжимаются все пружины и шестеренки.

– Ты думаешь?

– Ну... да мы все так думаем...

Тоже начинаю думать.

– Ну... хорошо.

– Так вы нас как бы отпускаете?

Что с вам поделаешь... летите...

Лечу назад. Один. Без пяти семь, пора-пора-пора, вон уже сообщения пошли от шефа, указывает, кто где сильно глубоко в сон провалился...

Вот уже и кромка сна, за которой виднеется бескрайний мегаполис...

Опускаю крылья.

Пикирую в сон. Глубже. Проваливаюсь в сон, какой-то страшноватый сон, где людей поработили какие-то не знаю кто, вселяются в людские тела, в них живут, а взамен дают людям все, что люди пожелают, и через заснеженный двор идет человек, к которому только что подселился непонятно кто, идет, думает, а что, собственно, он хочет, а можно же пожелать все-все, а только и желаний, чтобы квартиру новую, и жить, не работать, и опубликовать юношескую графомань многолетней давности, а вот, еще в Италию съездить хотел. Непривычная тяжесть внутри, где затаился непонятно кто, и есть хочется, теперь всегда будет есть хотеться, кормить-то придется и себя, и его, ну да ничего, привыкнет человек...

Устраиваюсь на чердаке старинного дома, – здесь и жить можно...

2015 г.

Типы характеров

Итак, разберем основные типы личностей и их стратегию поведения.

Слон. Слон передвигается по диагонали и уничтожает всех, кто встречается на его пути.

Ладья. Личности с типом ладья обычно ведут себя так: перемещаются вперед-назад и вправо-влево. Если вы стоите на диагональной клетке от ладьи, вам нечего опасаться.

Ферзь. Очень редкий тип, встречается у одной шестнадцатой части населения. Если имеете дело с ферзем – научитесь держать ухо востро. Он умеет перемещаться и вправо, и влево, и вперед, и назад, и по диагонали. Если кто-то сейчас возразит мне, что никогда в жизни не встречал ферзя, отвечу: скорее всего, встречали, но принимали за ладью или слона.

Пешка. Самый частый тип личности. Наверное, все мы так или иначе встречались с пешками, да и большинство читателей, скорее всего, – пешки. Этот тип характера самый простой в общении – они перемещаются на одну клетку по диагонали, не более того.

А вот с конем нужно держать ухо востро. Это тоже такой психологический тип – конь. Конь ходит на три клетки вперед, и на одну вбок. Коней в обществе достаточно много – одна восьмая социума – и наверняка мы все рано или позд-

но становились жертвами их происков. По крайней мере, теперь вы знаете, как защититься от коня.

Король – тоже очень редкий тип. Он перемещается на соседнюю клетку, отчего его иногда путают с пешкой.

В следующей нашей лекции мы расскажем вам, как по внешнему виду можно распознать разные типы характеров...

– Вопросы есть? Да вы, в последнем ряду, пожалуйста...

– А скажите... а кто сделал нас такими?

– Ну, кто... природа, кто...

– Нет, но... с какой целью?

Как с какой целью, чтобы побеждать противника! Вы посмотрите – есть черные, есть белые, которые враждуют друг с другом. Какое-то время – назовем это время эпохой шашек – все мы были одинаковыми. Но со временем в боях черных и белых победу стали одерживать те, у которых армия была разнородная. Кто-то нападал, кто-то защищал короля, кто-то рисковал собой в первые минуты битвы...

– Да нет... я спрашиваю – а зачем вообще это нужно... чтобы бились?

– Как зачем, за ресурсы...

– А за какие ресурсы?

– За клетки, за какие же еще.

– А зачем нам клетки?

– Молодой господин, кончайте глупости болтать! Выведи-

те его кто-нибудь...

– Ну что я могу сказать... законы-то ваши не действуют.

– Простите?

– Не действуют законы ваши. И все тут. Слоны как хотят ходят, ладьи катятся, ферзи...

– Вы уверены?

– Именно так.

– И... как вы это собираетесь объяснять?

– А что я, вы психолог, вы и объясняйте!

– У меня есть только одно объяснение происходящему.

– И какое же?

– Мир погиб.

– Погиб?

– Да. Я еще не знаю, что случилось... Но мира, каким мы его знаем, больше не существует.

Вьется дымок над пепелищем.

Рассыпаются шахматные фигурки с доски, катятся кто куда, припорошенные редким снегом...

2015 г.

Правка романа

По новой переписываю роман многолетней давности. Все-таки интересно менять текст, написанный давным-давно. Читаю, как герой пишет пером по бумаге, машинально переправляю на шариковую ручку, а теперь еще придется перелопачивать все страницы, убирать чернильницу, то есть, слово «чернильница», а ведь есть еще и экипажи, которые не грех заменить на автомобили...

Вырабатываю план действий. Думаю сначала переписать роман на предмет технических огрехов, а потом уже менять стиль повествования, чтобы не было перлов вроде В первое мгновение после того, как в комнате стало пусто, мне показалось, что я просто-напросто бредил в эти минуты, бредил, переутомленный долгой напряженной работой или беспощадными перепадами погоды; однако, события последних дней отучили меня относить все малопонятные явления к игре больного рассудка: во всяком случае теперь недолгая материализация собственных персонажей казалась мне более чем естественной.

А ведь еще нужно обмозговать сюжет, который тоже оставляет желать лучшего.

После долгого перерыва вернулся к роману. Опять нужно все менять, то есть, не все, но очень многое. Сижу, ис-

правляю орехи вроде «Мелко исписанная тетрадь лежала передо мной». Приходится менять на «Я открыл файл – счетчик Ворд показал, что в нем более пятисот страниц». С ужасом думаю, что у меня герои то и дело открывают тетради, терзаемые вдохновением. А ведь еще нужно решить, на чем они ездили – будет у каждого своя машина или сделать им уровень дохода пониже, пересадить на общественный транспорт.

Даю себе обещание как-нибудь одолеть свои триста страниц.

Взялся за роман. На этот раз поклялся себе довести до конца. Во что бы то ни стало. Хотя правки здесь много, даже слишком много. Теперь придется убирать все страницы, где герои едут в машине, менять на порталы, а они по пути еще и разговаривают, теперь эти разговоры надо впихнуть куда-то, не знаю, куда. А там, где герои говорят по телефону, придется переписывать разговоры, чтобы передать всю гамму чувств, какая бывает при телепатии.

Ставлю себе обещание переписать к декабрю, может, хоть раз в жизни что-то выполню.

Разбирал старые вещи, нашел текст, в котором узнал роман, написанный мной в незапамятные времена. От нечего делать решил переписать заново, может, опубликую, если повезет. Сразу столкнулся с кучей трудностей, похоже, текст

придется переделывать заново. Прежде всего перенесу место действия, быть не может, чтобы все от и до происходило на Земле. Сейчас колеблюсь между Рас Альхаге и Седной. Телефоны придется заменить на сигналы, порталы – на переходы, кристаллы-мыслевики на мыслеграммы.

А сложнее всего, конечно, с людьми. Нужно как-то связать все это, мыслеграммы, переходы, сигналы, уюты, знания. Потому что сами они без человека не соберутся, слишком разные народы, слишком противоречивые. И надо еще на кого-то переложить все диалоги, потому что все диалоги произносят только люди.

Взялся за старый роман. Пришел в ужас от всего, что там исправил. К черту, к черту, все к черту. Хочу воспроизвести все, как было изначально, вернуть чарующую атмосферу прошлого. Надо еще вспомнить, что было в том прошлом. Уже приписал людей, вернул стационарные телефоны и рукописные тексты, но все равно чувствую, чего-то не хватает. А это дело дрянь, что чего-то не хватает, если не хватает, мир не получится, не оживет...

...можете меня поздравить, мир ожил. Сам удивляюсь, что исправил все огрехи, сам от себя не ожидал.

Удивительную вещь обнаружил я сегодня – когда записывал очередной свой шедевр, который при ближайшем рас-

смотре́нии окажется унылой графоманью. Терзаемый вдохновением, я сел за стол и принялся записывать мысли, раздирающие мое сознание. Размышления о романе так поглотили меня, что я не сразу заметил один момент, который не поддавался объяснению: когда я хотел зачеркнуть в тексте слово «волнующий» (оно показалось мне лишним), мне не пришлось зачеркивать слово: оно просто... исчезло, а слова справа покорно сдвинулись, заполняя образовавшуюся пустоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.